

ВРЕМЯ ВСПОМИНАТЬ

ЗЛАТА ИВОЛГА

Злата Иволга

Время вспоминать

«Автор»

2023

Злата Иволга

Время вспоминать / Злата Иволга — «Автор», 2023

Молодая аристократка Хоакина де Веласко приходит в себя в незнакомой комнате и понимает, что два года жизни стерлись из памяти. Оказывается, она успела выйти замуж и переехать на другой конец света. Хоакина старается вспомнить, что с ней произошло, и наладить отношения с супругом. Но как быть, если по соседству случились два убийства, и она могла быть третьей жертвой, но случайно выжила? Необходимо как можно скорее разобраться с этим, пока преступник не нанес следующий удар.

© Злата Иволга, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Злата Иволга

Время вспоминать

Злата Иволга
Время вспоминать

Глава первая

Доктор смотрел на Хоакину внимательно и с сочувствием. С тем самым, с которым пациенту сообщают неутешительный диагноз. После чего обычно следует вопрос, сколько осталось времени, чтобы привести в порядок дела, попрощаться с родными и вообще смириться со скорой кончиной.

— Так, так... — приговаривал доктор, покачивая напыщенной головой. — Что последнее вы помните? Хорошо помните?

Хоакина почувствовала, как где-то глубоко внутри головы зарождается пульсирующая боль. Та же, которая не дала закончить разговор с доктором в прошлый раз, когда ей удалось прийти в себя. Но тогда все было, как в тумане, а тело терзали боль и тошнота. Хоакина стиснула зубы и напряглась. Ей надо держаться в сознании, иначе она так и будет лежать и спать.

— Я вернулась домой, — сказала она, удивляясь, как хрипло звучит ее голос, — от деда Риверы. Да, верно. У него был юбилей. Ужин затянулся до позднего вечера. Я приехала домой и легла спать.

— Так, так, — повторил доктор, и в его голосе послышались странные нотки. — А узнаете ли вы комнату? Нет, нет, — остановил он пытающуюся поднять голову Хоакину. — Не торопитесь, просто посмотрите и скажите.

— Не узнаю. В прошлый раз вы...

— Да, да, но неважно, — прервал ее доктор, исчез из поля зрения, и, судя по звуку, стал копаться в своем чемоданчике. Доктора всегда носят с собой чемоданчики.

Хоакина смотрела в тщательно выбеленный потолок, которого не было ни в родном доме, ни в доме родственников. Как и похожего на голову какого-то диковинного зверя светильника. Она скосила глаза на окно с чуть шевелящимися светлыми занавесками, и голова тут же взорвалась болью. Хоакина тихо застонала.

— Больно? — тут же подоспел доктор. — Я пропишу вам порошки. А теперь ответьте: сколько пальцев на руках?

Коротких, похожих на сардельки пальцев, было четыре, и Хоакина так и сказала. Затем последовали два, три и, наконец, все пять сразу.

— Ну, хоть что-то, — вздохнул доктор. — А с остальным потихоньку.

Хоакина снова застонала, пытаясь привлечь к себе внимание.

— Не волнуйтесь, сеньора, лежите тихо.

Ее руки ободряюще коснулись те самые пальцы-сардельки, затем доктор, судя по всему, поднялся на ноги и куда-то пошел. Хоакина хотела окликнуть его, но боялась нового приступа боли.

Что-то тихо скрипнуло, вероятно, дверь.

— Эй, девушка, как вас там, Соледад? Несите стакан воды и растворите там это. И можете зайти. Вы тоже, сеньор.

Хоакина вздохнула с облегчением. Соле здесь. Значит, это не больница, а чей-то дом.

— Ах, сеньора, вы очнулись. Как вы себя чувствуете? Мы за вас так переживали! Какая беда, почти двое суток без чувств лежали!

Опять сеньора? Почему сеньора? Она же не замужем. Соле тоже заболела? Хоакина снова попыталась осторожно повернуть голову. И на этот раз у нее получилось почти без боли. Она с удивлением осмотрела покрытую светло-розовой штукатуркой стену с красивой резной дверью из голубого дерева, возле которой мялся какой-то мужчина. И в нем было что-то знакомое, точнее, в его руках с нервно переплетающимися длинными пальцами.

— Кто вы? — спросила Хоакина, с запозданием понимая, как это невежливо.

В ответ раздался причитания Соле и строгий голос доктора:

– Да перестаньте. Вы только тревожите ее. Сеньора, выпейте, вам станет легче.

К губам Хоакины поднесли край стакана, и она медленно выпила горькую жидкость. Обычный порошок от головной боли.

Теперь она увидела Соле с красными мокрыми от слез глазами, которая стояла рядом с доктором. Однако мужчина у двери не ответил. Он вообще не подавал голоса и не двигался с места, стоял, опустив голову, и Хоакину это встревожило. Если она больна, то где находится, в конце концов? И доктор, кстати, почему он не представился, так странно смотрит на нее и называет сеньорой, как и Соле. Хоакина смутно помнила, как в прошлый раз, когда она очнулась, доктор спросил, как ее зовут. А теперь вопрос был еще нелепее:

– Какой сейчас год, сеньора? И где, по-вашему, вы сейчас?

– 1851 от Вознесения Господня. А я живу в Аройо де Оро, столице Королевства Менада, конечно.

Хоакина посмотрела в лицо доктора, на заплаканную Соле и растерянно прибавила:

– Разве нет?

– Ох, сеньора... — заныла Соле, но доктор решительно остановил ее.

– Нет, сеньора, — мягко, но твердо сказал он. — Сейчас февраль 1853 года. И находитесь вы в поместье Каттлеи, на острове Коста-Лунес.

Хоакина забеспокоилась. Ее мысли, которые и без того никак не приходили в порядок, окончательно разбежались в разные стороны.

– Коста-Лунес? — зацепилась она за знакомое название. — Колонии? Акулий залив? Что я здесь делаю?

– Ты здесь живешь, Хоакина, — опередил доктора наконец-то заговоривший мужчина. Он поднял голову и шагнул вперед. — Ты меня не помнишь?

– О... — Хоакина всмотрелась в знакомое лицо. — Конечно. Вы Фернандо Агилар, верно? Мы познакомились в опере пару недель назад. И затем... затем вы были на ужине у деда.

Его лицо неожиданно исказилось так, будто это у него болела голова. Но он быстро справился с собой и даже чуть улыбнулся.

– Верно, — остановил он коротким жестом порывающегося что-то сказать доктора. — Но прошло не две недели, а два года. Мы успели пожениться и уехать на Коста-Лунес. И это наш дом.

Хоакина уставилась на него, ощущая, что слова застряли в горле. Она попыталась заговорить, но из нее вырвался только писк. Вторая попытка привела к тому, что она закашлялась.

– Девушка, воды, — скомандовал доктор, и Соле кинулась исполнять приказание. — А вас, сеньор, я предупреждал. Советую выйти и попробовать еще раз завтра.

Хоакине, все еще во все глаза смотрящей на мужчину, который назвался ее мужем, показалось, что он хочет побить доктора. Серые глаза сузились, на острых высоких скулах появился румянец, а руки сжались в кулаки. Но Фернандо Агилар отступил к двери, резко повернулся и вышел.

– По-подождите, — опомнилась Хоакина, которой вода, поднесенная верной Соле, вернула способность хоть как-то мыслить. — Я... Вы должны... — Она уставилась на закрывшуюся дверь, а потом перевела взгляд на доктора.

– Так, — в который раз невозмутимо повторил он. — Вижу, порошок подействовал. Тогда оставлю пока вас с прислугой, сеньора. Поговорите, поспрашивайте. Только не волнуйтесь. Потеря памяти не смертельна и не так опасна, как шишка на вашем затылке.

Доктор вытащил из кармана жилета за цепочку блеснувшие часы, кинул на них беглый взгляд и вернул на место. Затем взял чемоданчик из гладкой коричневой кожи и подхватил щегольски выглядящую высокую шляпу.

– Я зайду завтра, сеньора, — сказал он. — А перед уходом еще раз поговорю с вашим мужем. Хорошего дня.

— До свидания, доктор. Спасибо, — машинально ответила Хоакина, провожая его взглядом.

— Выпьте еще воды, сеньора? — спросила Соле, подходя к кровати со стаканом.

— Помогите мне лучше сесть, — сказала Хоакина. — Садись сама и расскажи, что тут происходит. Нет, — остановила она Соле, когда та придвинула тяжелый стул к кровати, — дай мне сначала зеркало.

— Сеньора, может, пока не надо? — начала Соле, в ее глазах плескалась забота.

— Я что — с памятью и лица лишилась? — рассердилась Хоакина. — Быстро неси.

С лицом все было в порядке. Кроме бледности и синевы под глазами. На месте оказались и растрепанные сейчас и не очень чистые каштановые волосы с немного посветлевшими прядями. «Наверное, выгорели на солнце, — решила Хоакина, внимательно вглядываясь в свои разноцветные глаза, один карий, другой зеленый, предмет гордости деда Риверы и ее смущения. — Без шляпки я что ли тут ходила?» Она потрогала темные ровные брови, крупный нос, предмет гордости деда де Веласко, ныне покойного, и ее скрытого отчаяния. Затем коснулась губ, оскалила и осмотрела на редкость ровные белые зубы, хоть в чем-то повезло, и ощупала шею, постепенно продвигаясь к затылку. Там, по словам доктора, должна быть шишка.

— Ай, — вскрикнула Хоакина и отдернула руку.

— Сеньора, — всполошилась уже усевшаяся было Соле.

— Перестань, — шикнула Хоакина, покосившись на дверь. — Говори — как так получилось, что я замужем за Фернандо Агиларом? И что со мной произошло, что я памяти лишилась? Я упала?

— Я не знаю, сеньора, — шмыгнула носом Соле. — Вас нашли позавчера, в пятницу, поздним вечером. Вы лежали прямо в тростнике дона Пабло, без сознания, словно мертвая. Ах, сеньора...

— Хватит, — снова прервала зарождающиеся рыдания Хоакина. Соле всегда была очень впечатлительной, как и очень преданной. — Что я там делала? И кто такой дон Пабло? Впрочем, нет. — Она схватилась за голову одной рукой. — Оставим мое падение и дона Пабло. Почему я замужем за Фернандо Агиларом и сижу в колониях?

— Потому что он здесь живет, у него плантация с кофе, — захлопала глазами Соле.

Хоакина захотела прибить служанку, как совсем недавно Фернандо доктора.

— Соледад, — прорычала она, чувствуя, как снова в глубине головы зарождается боль. — Мать и дед, как и все Ривера, скорее оставили бы меня в старых девах, чем дали согласие на такой брак. Что случилось? — Хоакина вдруг испугалась. — Они живы? Никто не умер? А отец?

Соле замотала головой.

— Слава богу. Тогда что, черт возьми, произошло?

— Сеньора, не ругайтесь, — ойкнула Соле. — Ваша мама бы...

— Я сейчас еще не так заругаюсь, если ты мне все не расскажешь.

— Да нечего рассказывать, сеньора, — жалобно заломила руки Соле. — Вы сами вышли за сеньора. Говорили, что любите его.

Хоакина будто налетела с разбегу на стену, о которую разбились все воображаемые ужасы, случившиеся с ее семьей. Начиная от смерти родителей и заканчивая разжалованием или разорением деда.

— Что я говорила?

— Вы вышли за сеньора Агилара по любви. И сеньора де Веласко, отца, уговорили. А он уже и вашу маму, и деда. Точнее, ваш отец попросил вашу бабушку-маркизу, и она... — Соле запнулась.

— И она скрутила в бараний рог маму и дедушку Ривера, понятно, — прошептала Хоакина.

— Сеньора, не ругайтесь, — снова начала Соле.

Но Хоакина только отмахнулась. Стоит ли сейчас думать о воспитании и плохих манерах, когда она теперь не сеньорита де Веласко, а сеньора де Агилар. И сидит не в столичном особняке, а где-то на задворках королевства, в колониях Акульего залива. Вряд ли здесь тщательно соблюдают этикет и следят за воспитанием и речью. И Хоакину сейчас занимало точно не это.

— Я влюбилась в Фернандо Агилара, — сказала она своему отражению. — Да еще и пошла на конфликт с семьей и уехала в колонии. И это не сон, потому что шишка на затылке очень болит. Соле, — она кинула взгляд на служанку, сгорбившуюся на стуле. — А он? Он тоже в меня влюбился? Или ему было достаточно того, что я племянница маркиза и богата? Наверняка он и помыслить не мог о такой партии.

— Ну... — протянула Соле, снова принимаясь шмыгать носом. — Вы точно считали, что да. Сеньор Фернандо сильно привязан к вам. Это видно. Во время перелета вы почти не выходили из купе. — Соле хватило совести покраснеть.

— Да ну? — прищурилась Хоакина, чувствуя, как шею тоже заливают краска смущения.

— Да, да. И здесь он... э-э-э... в общем, когда вас нашли, он с ума сходил от беспокойства. И с доктором ругался. Вот.

Хоакине сильно хотелось встряхнуть из служанки все, что она знала или подслушала и подсмотрела из их отношений с Фернандо Агиларом, однако разговор выходил уж слишком неприличным. Придется пока поверить в брак по любви.

Хоакина зацепилась за фразу, показавшуюся ей интересной.

— Ругался с доктором? Из-за чего?

К ее удивлению, Соле хоть и перестала смущаться, но замаялась. И прежде, чем ответить, огляделась по сторонам.

— Доктор Варгас считает, что вы ничего не помните из-за шишки. Вы неудачно упали. Только вот сеньор Фернандо думает, что на вас могли напасть.

Хоакина фыркнула от неожиданности.

— И почему он так решил?

Соле вздохнула.

— То есть я успела не только выйти замуж, но и завести врагов, — сказала Хоакина, опуская зеркало на одеяло. — Вечером покажешь, где лежат бумаги, что я привезла с собой. В том числе письма. Поняла? Будем есть кабана по частям.

Хоакина сидела на кровати, облокотившись спиной на мягкие подушки, и ждала мужа. Она была умыта, одета и даже с уложенными, хоть и не вымытыми, как следует, волосами. Все эти чудеса, почти не потревожив шишку, сотворила Соле с помощью местной горничной, синекостей и высокой, с добрыми глазами цвета спелого красного винограда. Судя по всему, она была искренне рада выздоровлению хозяйки, потому что постоянно улыбалась.

Хоакина с тоской подумала, что придется привыкать к тому, что здесь вся домашняя прислуга, кроме Соле, из местных жителей. И еще множество их работают на плантации. Заново привыкать. Как и к пению незнакомых птиц за окном, крикам неведомых зверей по ночам, разносящихся по округе, чужому дому и чужому человеку, ставшему ее законным супругом. Именно он сейчас входил в ту самую красивую дверь комнаты. Ее комнаты, поправила себя Хоакина.

Фернандо Агилар не изменился с тех пор, как сидел за большим столом напротив нее осенним вечером в огромном зале. Те же острые скулы и серые глаза, нетипичные для жителя колоний. Та же стройная, даже изящная фигура, которую не портила немного старомодная одежда. Хотя нет ничего удивительного в том, что мода на островах Акульего залива отставала от столичной.

Теперь Фернандо явился без жилета и пиджака или сюртука, в одной светлой рубашке, что само по себе было небрежностью. Впрочем, пожала про себя плечами Хоакина, кто их знает, этих плантаторов. Может, у них так и ходят в доме, если не собираются никуда выезжать. Здесь было гораздо жарче, чем в Аройо де Оро. Да и нравы, судя по всему, свободнее. Настолько, что кто-то, возможно, стукнул сеньору де Веласко по голове.

– Доброе утро, Хоакина. Как ты спала? Голова не болит?

– Доброе утро, се... Фер... — она бы трянула головой от досады на собственную неуклюжесть, но опасалась. — Спала я неплохо, учитывая обстоятельства. И у меня пока ничего не болит.

– Меня зовут Фернандо, — сказал он, останавливаясь у кровати. — Ты действительно меня не помнишь?

– Мы были знакомы, — ответила Хоакина, чувствуя себя крайне неловко. И как она будет с ним завтракать, выходить в местный свет или коротать вечера в гостиной? Не говоря уж о еще одной стороне супружеских отношений.

– Опера и ужин в доме кабальеро Риверы, да, — кивнул Фернандо, рассеянно озираясь по сторонам. — Ты не против, если я присяду?

Но он не присел ни на найденный стул, ни на кресло у туалетного столика, ни на кровать рядом с Хоакиной, а отошел к открытому окну и оперся руками о подоконник.

– Прости, все это очень неожиданно и странно. То, что с тобой случилось. Доктор Варгас сказал не волновать тебя и сильно не расспрашивать. Он думает, что память вернется сама, через несколько дней. Или...

Фернандо замолчал, а Хоакина, которая чуть повернула к нему голову, успела заметить, как он снова нервно переплетает пальцы рук.

– Или? — прервала она затянувшееся молчание.

Пальцы замерли, а Фернандо тяжело вздохнул.

– Я бы не стал его слушать. Доктор Варгас считается грамотным и прогрессивным, однако он часто не видит того, что у него под носом.

Хоакина насторожилась, повернула голову полностью и посмотрела прямо на мужа. Опасная тема так и не началась, поэтому можно на время забыть о смущении.

– Соле сказала, что вы... ты думаешь, что на меня напали. Что я сделала? Или вы... ты сделал? Или здесь грабители на каждом шагу? И кто такой дон Пабло?

Фернандо отпрянул от окна, сделал два шага к кровати, но остановился.

– Хоакина, не волнуйся. Ты ничего не сделала. Возможно, дело действительно во мне. — В его глазах мелькнуло беспокойство, но быстро исчезло. — Бывает, что от травмы головы действительно теряют память, только не так... странно.

– Странно?

– Ты забыла два года. Ровно столько, сколько нужно, чтобы не помнить жизнь в Каттлеях. Может, немногим больше. И с трудом приходила в себя после почти двух суток. Словно что-то... не пускало тебя.

Фернандо снова вздохнул, на этот раз с отчетливым раздражением.

– Что ты хочешь сказать? — спросила Хоакина, и, получив в ответ только полный не то сочувствия, не то жалости взгляд, рассердилась. — Вы сговорились с Соле? Из той тоже пришлось тянуть слова.

– Ты должна поправиться. А с остальным мы потом разберемся.

– Я сама разберусь, — довольно грубо оборвала его Хоакина, — раз уж никто не хочет помогать мне. Вы хоть понимаете, что я чувствую? В незнакомом месте, далеко от дома? Да еще и с шишкой на затылке? Даже если вы женились на мне из-за денег и происхождения, проявите хоть каплю сочувствия!

Похоже, она перегнула палку. Фернандо вздрогнул, его губы приоткрылись, будто он хотел что-то сказать, а лицо приобрело выражение человека, получившего удар. Хоакина мгновенно остыла и даже хотела извиниться. Однако Фернандо чуть наклонил голову, отвернулся и произнес: «Нам стоит пока закончить разговор, доктор зайдет днем». Затем он пошел к выходу, обогнув кровать на гораздо большем расстоянии, чем требовалось.

— Нет, подождите... подожди, — заволновалась Хоакина, чувствуя, как в голове снова зарождается тягучая боль. — Мне не стоило затрагивать эту тему.

Фернандо остановился, но не повернулся.

— Мне страшно, — тихо продолжила Хоакина, стараясь не обращать внимания на боль. — Я будто в темноте и пытаюсь найти выход на ощупь. Я прочитала свои письма родителям и оставшимся в Менаде подругам. Я замужем два года и почти два месяца, у меня нет детей, и я общаюсь с соседями и изредка езжу в Буэнавентуру, город, то есть столицу острова.

— Если ты просмотрела письма, то должна знать, что наш брак заключен не по расчету, — ровным голосом сказал Фернандо.

Теперь вздохнула Хоакина, прикасаясь пальцами к вискам и стараясь облегчить головную боль, ставшую уже невыносимой.

— В письмах нет ничего личного. Только то, что у меня все хорошо. Но Соле... она сказала мне... Черт...

Фернандо резко повернулся.

— Да на тебе лица нет. Голова болит?

Хоакина, которую уже начало тошнить, еле смогла кивнуть. Фернандо бросился к двери, распахнул ее, позвал Соле и какую-то Марию, а затем принялся рыться в ящичке на туалетном столике, кажется, пытаясь найти выписанные доктором порошки.

Хоакина наблюдала за ним, а на глаза наворачивались слезы. Не столько от боли, сколько от набирающей силу беспомощности. Да, она никогда не отличалась милым и спокойным характером, но дома это не вызывало проблем. Племяннице маркиза Лемос и внучке прославленного кабальеро Риверы прощалось многое. Только мама страдальчески морщилась, когда слышала ее «черт возьми». А здесь...

Ей так нужна поддержка и предстоит еще множество трудных разговоров с мужем, а она уже рассердила его. Если она так общалась со всеми, то не удивительно, что получила по голове. Может быть, от того самого дона Пабло.

Минули две недели постельного режима, предписанного доктором Варгасом, и Хоакина наконец-то смогла встать, привести себя в порядок и спуститься в гостиную.

За это время, тянувшееся для нее бесконечно долго и доставляющее мучения головными болями и тошнотой, она успела узнать некоторые мелкие повседневные, но нужные в ее положении вещи.

Каттлеи, поместье Фернандо Агилара, как и дома в далеком Аройо де Оро, действительно освещалось электричеством, водопровод работал на электронасосе, а в кабинете хозяина даже находился телефон. Правда, с него нельзя было связаться даже с городом, не говоря уж о соседних островах.

В доме помимо Соле жили три горничные, кухарка, ее помощник, он же камердинер Фернандо, и он же исполнял помимо всего прочего еще и роль дворецкого. В домике у ворот, который Хоакина разглядела в окне, обитали старый привратник с женой. Все они были из местных. А раз в неделю приезжал управляющий, видимо, чтобы отчитаться о делах. В остальное время Фернандо ездил к нему сам или они встречались на плантации.

Лежа в постели, Хоакина слышала еще чьи-то голоса, а Соле потом сказала, что заходили соседи справиться о здоровье сеньоры. Верная служанка также прибавила, что для хозяйки

оставили послания с пожеланием выздоровления и маленькие подарки. Все они лежат внизу и ждут ее.

Теперь же Хоакина, медленно спустившись по широкой лестнице с выстланными тонкой ковровой дорожкой ступенями, оказалась перед большими дверями, сделанными из того же голубого дерева, что в ее комнате. Поборов желание узнать, куда ведут похожие двери на противоположной стене, Хоакина толкнула створки. Она еще успеет совершить экскурсию по дому.

— Доброе утро. Я рад, что ты встала, — сказал Фернандо, откладывая газету и поднимаясь со стула у круглого стола, на котором стоял поднос с чашками и с блюдами, а рядом суетилась горничная Мария. — Проходи. Выпьем кофе.

Хоакина последовала совету, но мягкий и удобный стул только усугубил испытываемую ею неловкость. Она словно вся сжалась изнутри, опасаясь, что получится так же, как при первом разговоре с мужем. С тех пор они общались мало, хотя навещал он ее каждый день.

— Благодарю, — отозвалась Хоакина, наблюдая, как Мария ставит чашку, наполненную ароматным напитком. Запах куда приятнее и насыщеннее, чем в Аройо де Оро. Оно и понятно — зерна были выращены тут же, на плантации, а не проделывали долгий путь на дирижабле или корабле через океан.

Хоакина сделала глоток, зажмурилась от удовольствия и улыбнулась. Может, жизнь в колониях не так плоха, если ты здоров, у тебя ничего не болит, и есть кофе. Свернутая газета подсказала, что сегодня на календаре третье марта. В Аройо де Оро уже прошла встреча весны, которую обычно отмечали пышными пирогами с мясом дичи.

— Чем ты намерена заняться? — прервал тихое размеренное наслаждение кофе голос Фернандо.

— Посмотрю, что мне оставили соседи, — ответила Хоакина. — Соле говорила, кто-то даже заходил. Кто?

— Хорхе де Вега с женой. Его плантация, Розарий, граничит с нашей с северо-запада.

Имя ничего не говорило Хоакине.

— Тоже кофе? — невпопад спросила она.

— Да. На Коста-Лунес почти все занимаются кофе. Это выгодно.

— Понятно. Еще я хотела прогуляться по дому, но... — Хоакина посмотрела на замершую в стороне горничную. — Поддай-ка мне записки и подарки, Мария.

Приняв из темных рук, украшенных яркими браслетами, конверты и пару корзин с цветами и фруктами, Хоакина разложила все это на коленях и частично на столе и принялась жадно рассматривать. Ей надо было как-то справиться с не клеющимся разговором с мужем, а еще понять что-то о жизни здесь и о людях, с которыми она общалась.

— Так. Мне желают выздоровления Хорхе де Вега и Кармен Руис. От них апельсины. Потом еще сеньора Тереза де ла Серда. Какие красивые цветы. М-м-м... А вот и дон Пабло! — с азартом воскликнула Хоакина и подняла взгляд на молчащего Фернандо. — Пабло и Лаура Санчес. Кто они?

— Еще одни наши соседи, — чуть улыбнулся Фернандо и отставил чашку с кофе. — У дон Пабло плантация сахарного тростника. Лаура его дочь. — Он вдруг нахмурился.

— Что такое? — спросила Хоакина.

Фернандо медлил, глядя на нее, словно сомневаясь, стоит ли говорить.

— Я рассержусь, — неожиданно для себя предупредила Хоакина.

Это было чистой правдой. Ей не нравилось, что муж снова не отвечает на ее вопросы. Но было в этом и нечто незнакомое, словно прорвалось сквозь пелену беспамятства от той Хоакины, которая любила Фернандо. Возможно, любила.

— Дон Пабло и Лаура в трауре больше недели, — медленно начал Фернандо, не сводя с Хоакины внимательного взгляда. — Умер его сын, Антонио. Вероятно, его убили.

– Господи. Кто?

– Даже если бы я знал, тебе это помогло бы? — откинулся на спинку стула Фернандо.

Хоакина настороженно наблюдала за ним, но продолжения не дождалась. И она повернулась к стоящей недалеко горничной.

– Мария. А ты что-нибудь знаешь об этом?

– Что вы, сеньора, — испуганно ответила та.

– Ты наверняка что-то слышала. И раз уж... мой муж не желает обсуждать эту тему, то я прошу говорить тебя.

– Хоакина, что ты?.. — начал Фернандо, выпрямляясь.

– Не стесняйся, Мария. Я подарю тебе апельсины.

И Хоакина ободряюще улыбнулась синеккожей девушке.

– А... — она запнулась, кинула несмелый взгляд на Фернандо, а потом опустила глаза в пол и затараторила. — По плантациям разъезжал полицейский из города. Спрашивал всех. Говорят, бедного сеньора Антонио зарезали. Но Санта из Хрустального ручья сказала, что колдовство это. Вроде видели странное существо тем вечером...

– Достаточно, Мария, — остановил ее Фернандо. — Ты можешь идти.

– Но...

Хоакина проводила глазами выпорхнувшую из гостиной горничную.

– Я хочу навестить подругу, — заявила она, глядя прямо на мужа. — У меня ведь есть подруги?

Ей показалось, что Фернандо сейчас резко откажет, особенно после странных рассказов Марии, но он кивнул:

– Кармен Руис и Лаура Санчес. С ними ты общалась больше всего.

– Тогда я навещу Кармен, заодно поблагодарю за фрукты, — решительно поднялась на ноги Хоакина. — Лауре наверняка не до гостей. — Она замерла от неожиданной мысли. — Они знают, что я?..

– Новости и слухи у нас распространяются быстро. Но ведь ты не передумаешь идти, верно?

Хоакина покачала головой.

– Я возьму с собой Соле. И быстро вернусь. Хорошего дня.

Уже у дверей ее настиг тихий голос Фернандо.

– Если тебя не будет через два часа, я приду за тобой.

Хоакина фыркнула про себя. Прелести семейной жизни. Неужели здесь не приятно надолго без мужа отлучаться из дома даже в сопровождении служанки? Или же это простая предосторожность после предполагаемого нападения?

Розарий, поместье плантатора Хорхе де Веги, находился всего в получасе ходьбы от Каттлей, и Хоакина не успела даже как следует измучиться под солнцем. Конечно, ее защищала легкая шляпка и зонт из тонкой ткани, без которого, по словам Соле, на Коста-Лунес не обходилась ни одна приличная дама. Однако здесь было гораздо жарче, чем в Аройо де Оро, да и во всей материковой Менаде.

Хоакина с огромным интересом разглядывала раскинувшийся у нее на пути пейзаж, который видела на картинках в книгах по истории. Огромные плантации кофейных деревьев, убегающие вдаль до самого горизонта, черный силуэт электронапорной башенки на фоне почти безоблачного пронзительно синего неба, яркий, будто раскаленный, солнечный свет.

Они с Соле шли по пыльной дороге, сначала мимо плантации Фернандо, где некоторые синеккожие рабочие смотрели на них, узнавали хозяйку, здоровались или кланялись. Затем свернули, и дорога пошла чуть вверх, мимо другой плантации, ведя к большому холму, на

котором белел дом, утопающий в зелени и красно-фиолетовых цветах. И когда они поднялись выше, Хоакина обернулась и заметила блеснувшую вдалеке полосу океана.

– Соле, мне здесь нравилось? — спросила она, с наслаждением ловя слабый ветерок.

– Думаю, да, сеньора. Мне вы никогда не говорили ничего плохого. Пойдемте, вы устаете.

Хоакина отвернулась от созерцания пейзажа и пошла за служанкой, всматриваясь в приближающийся с каждым шагом дом.

– А с Кармен Руис мы часто виделись?

– Когда как, сеньора, — отозвалась Соле, пожав плечами. — Тут наносят визиты хоть каждый день. Обычно вы ходили в Розарий по воскресеньям после службы. Или среди недели, когда сеньор Фернандо был сильно занят.

Хоакина замедлила шаг.

– То есть он не всегда сопровождал меня?

– Сеньор Фернандо не сильно любит общество. Да и с сеньором Хорхе не близко дружит. Он больше любит бывать у дона Пабло. Хотя тоже не часто. Тот еще с его отцом дружил. Ах, бедный дон Пабло! Как же он теперь? И сеньорита Лаура...

– Не причитай, Соле, мы почти пришли.

Хоакина постаралась выкинуть из головы подозрения насчет дона Пабло, на плантации которого с ней произошел несчастный случай, а то и нападение. Она помнила уроки деда Ривера. Огромного кабана нужно есть по частям. Сначала она поговорит с этой Кармен Руис. А затем нанесет визит и Лауре Санчес. Оставалась еще придумать, как наладить отношения с Фернандо Агиларом, чтобы не чувствовать себя напряженно и неловко каждый раз, заводя с ним разговор. Но этого кабана не осилил бы и сам бравый кабальеро Ривера.

Кармен Руис сидела в кресле, скрестив ноги в расшитых золотой нитью домашних туфлях, и с любопытством смотрела на Хоакину. А та с не меньшим интересом разглядывала хозяйку Розария.

Она была молода, не больше двадцати пяти лет, или даже ровесницей Хоакины. Оранжевое платье, щедро отделанное кружевами, и явно никакого нижнего корсета под ним, поскольку дома Кармен в нем не нуждалась. У нее была безупречная фигура. По крайней мере, так показалось Хоакине, с легкой завистью разглядывающей крупные чувственные черты лица подруги, аккуратный нос, пухлые губы и яркие большие карие глаза. Кожа Кармен была нежного оливкового оттенка, а слева у рта устроилась кокетливая родинка, наверняка сводящая с ума мужчин.

«И каково мне было дружить с такой красавицей?» — подумала Хоакина, а вслух сказала:

– Прошу прощения, что оторвала ва... тебя от дел.

Кармен Руис растянула губы в улыбке, и стала еще краше.

– Дорогая, ничего страшного. С утра я села писать, но вдохновение от меня упорхнуло через несколько минут. Как птичка.

– Писать? — растерялась Хоакина.

– Конечно. Я писательница. И у меня самая новомодная печатная машинка на острове. Или даже во всем Акульем заливе. Она умеет записывать голос.

Кармен подмигнула и засмеялась, но через мгновение чуть нахмурилась.

– Хоакина, ты действительно ничего не помнишь? Я думала, слухи преувеличивают.

– К сожалению, нет. Поэтому я и здесь. Мне нужен кто-то, кто хорошо знал меня. И то, что я делала перед... этим несчастным случаем.

Кармен зашевелилась в кресле и сменила позу, расположившись уже не так изящно. Видимо, забеспокоилась.

– А почему же ты не спросила Фернандо?

Хоакина замялась. Она не представляла, до какой степени Кармен была ей близка, и обсуждали ли они хоть немного семейную жизнь друг друга.

– Его я тоже не помню. И мне... очень сложно с ним общаться.

Кармен проницательно посмотрела на нее, а потом покачала головой.

– Ох, бедняжка. Я об этом не подумала. Однако он все же твой муж и обязан поддерживать тебя в болезни и здравии... и как там дальше?

Хоакина чуть не выпалила, что Фернандо точно что-то скрывает, однако вовремя прикусила язык. Осторожность — вот сейчас ее главный девиз.

– Я не могу, Кармен, — она опустила глаза. — И пришла к тебе за помощью.

Хозяйка Розария снова вальяжно расположилась в кресле и вытянула скрещенные ноги.

– Ну что ж. Сделаю, что смогу, дорогая. Хорхе все равно поехал к управляющему. Что ты хочешь знать?

Хоакина замялась. Всю дорогу до Розария она составляла список вопросов, а теперь растерялась.

– Мне нравилось здесь? — спросила она совсем не то, что хотела.

– Конечно. Сначала тебе было жарко, и болела голова от солнца, но ты быстро привыкла.

– Я часто наносила визиты соседям? Ходила в церковь? Общалась с людьми? — перешла Хоакина к делу.

Кармен пожала изящными плечами.

– Как и все. У нас тут не слишком разнообразная жизнь. Может, поэтому я и стала писать книги. В будни хозяйство, по вечерам гости к соседям, по воскресеньям службы. Иногда мы выбирались в Буэнавентуру в театр или ресторан.

– Мы с тобой?

– Еще с Лаурой Санчес, если дон Пабло давал согласие, и нашими мужьями.

– И я ни с кем не ругалась, не спорила?

– Ну, разве только с Фернандо, когда его не устраивало меню на неделю.

Хоакина вздохнула.

– И правда звучит, как скучная размеренная жизнь. А... до того, как я упала, не произошло чего-нибудь странного?

Кармен помедлила и побарабанила пальцами обеих рук по затертым подлокотникам кресла. Ее гладкий лоб, обрамленный тщательно завитыми локонам, пересекли морщинки.

– Странного, странного... — пробормотала она. — Разве что убийство дона Марсело.

– Кто это? — удивилась Хоакина. — Я слышала, что убили сына дона Пабло.

– Бедный Антонио, такой красавчик. Лаура безутешна. Но это произошло, когда ты уже лежала в постели. А со смерти дона Марсело почти месяц прошел.

Хоакину охватило чувство, которому она не смогла дать объяснения. Тревога, медленно преходящая в волнение и даже страх.

– Кармен, — тихо сказала она, подаваясь к подруге из своего кресла. — Два убийства и почти друг за другом. И это скучная размеренная жизнь? Кто такой дон Марсело?

– Самый богатый кофейный плантатор на островах в заливе. Нам далеко до Марсело де ла Серды. Было. А теперь так же далеко до Хуана Мануэля Феррейры, его племянника. Он все получит.

– Подожди, — остановила почему-то мечтательно закатившую глаза подругу Хоакина, вспомнившая имя на карточке с цветами. — А Тереза де ла Серда из его семьи?

– Донья Тереза? Это мать Хуана Мануэля, сестра дона Марсело.

Дался Кармен этот Хуан Мануэль. Хоакина и так запуталась в именах.

– Я дружила с доньей Терезой?

– Вроде виделись пару раз, — прищурилась Кармен. — А что?

Хоакина внимательно посмотрела на красавицу-подругу, лицо которой выражало живейший интерес.

– Она прислала мне цветы.

– О, как странно, — протянула Кармен. — Может, просто решила быть вежливой?

Больше из хозяйки Розария ничего вытянуть не удалось. Хоакина посидела еще немного и собралась домой, помня об обещании Фернандо искать ее. Она попрощалась с Кармен, вызвала болтающую с местными слугами на кухне Соле и отправилась назад той же дорогой. Только на обратном пути стало гораздо жарче.

К вечеру Хоакина успела познакомиться с прислугой Каттлей, записать их имена и отдать кое-какие простые распоряжения по хозяйству. Ей показалось, что горничная Мария посматривает немного с испугом, словно опасается, что Хоакина снова будет ее расспрашивать. А рослая и мужеподобная кухарка, похоже, недовольна распоряжениями насчет ужина. Но что поделать? Хозяйка не помнила навыков, приобретенных за два года проживания в Каттлеях, и не имела представления, что уместно есть вечером, а что нет.

Хоакина оставила кухарку ворчать на кухне, а сама отправилась бродить по дому. Он был куда меньше родительского особняка, и предметов роскоши здесь почти не было, однако Хоакине он понравился. Каттлеи дышали уютом и какой-то неуловимой свежестью. Словно обновленным воздухом во время ливня после жары. Интересно, поместье всегда было таковым, или гостя с материка, ставшая хозяйкой, принесла сюда эту нотку?

Хоакина задумчиво разглядывала парный портрет в углу гостиной, и за этим занятием ее застал Фернандо.

– Дед и бабушка, — сказал он.

Хоакина чуть вздрогнула. Она не заметила его появления.

– Ты помнишь их?

– Деда помню. А она умерла в расцвете лет.

– Как грустно, — качнула головой Хоакина, окидывая взглядом безупречный овал лица, точеные черты и сложную прическу из светлых волос. — Она была не местная? Так же, как я?

– Да. Но не так, как ты. Если ты насмотрелась, то пойдем присядем.

Хоакину удивил его тон, сухой и резковатый. Будто Фернандо не нравился разговор об умерших родственниках.

– Я уже все это спрашивала, да? — обреченно произнесла Хоакина, отворачиваясь от портрета и проходя мимо мужа.

– Ничего страшного, — сказал тот уже совсем другим тоном, идя за ней. — Мне не сложно ответить еще раз. Мои родители тоже умерли, погибли. Они были на борту «Покорителя небес».

Хоакина охнула, замедлила шаг и повернулась к Фернандо, забыв о смущении. Она, как и все жители Менады, помнила о трагедии «Покорителя небес», большого пассажирского дирижабля, который четыре года назад взорвался прямо в небе, оставив его непокоренным. Обломки упали в океан, а все пассажиры погибли. Дедушка Ривера тогда примчался к отцу прямо после завтрака и уверял, что виной всему новые неиспытанные двигатели, а которых произошло замыкание. Владелец оказался жаден до денег, поспешил с запуском, и вот результат. А мать целый месяц наносила визиты тем знакомым, кого затронула трагедия, принося бесчисленные соболезнования.

– Мне очень жаль, — сказала Хоакина, глядя на Фернандо. — Как же ты справился с плантацией? Ведь ты так... — она запнулась.

– Молод? — усмехнулся он. — Пожалуй. Мне тогда только исполнился двадцать один год. Я видел, как отец общается с управляющим, ездил с ним, часто заглядывал в счетные книги. Но это не одно и то же.

Фернандо сделал шаг вперед и теперь оказался совсем близко к Хоакине.

– Я сильно боялся, что не справлюсь и разорюсь. А спросить совета мог только у соседей, которые мои же конкуренты. Дон Пабло прилаживался с отцом и немного помог мне, хотя и не занимается кофе. И дон Марсело оказался не таким снобом, как я думал.

– Тот, которого убили? — спросила Хоакина, делая невольный шаг назад, чтобы не чувствовать дыхание Фернандо на своем лице.

В глазах мужа промелькнуло беспокойство.

– Кармен Руис рассказала?

Хоакина хотела ответить, но в гостиной появилась Соле.

– Пришли сеньорита Лаура Санчес и дон Пабло, — доложила она.

– Но нам скоро ужинать, — нахмурился Фернандо.

– Все в порядке, я ее пригласила. Только ответа не получила и не была уверена, что она придет. И тем более с отцом.

Со стороны Фернандо послышался отчетливый вздох.

– Так мне звать сеньора и сеньориту? — хлопнула глазами Соле.

– Зови. Мы с Лаурой поговорим в моей комнате, и Фернандо не пропустит долгожданный ужин. Или мне все-таки пригласить их к столу?

– Я так полагаю, распоряжение кухарке ты отдала днем?

Фернандо больше не вздыхал, он даже не выглядел рассерженным, однако Хоакина чувствовала, что он зол.

– Прости, что не предупредила тебя, — сказала она, прямо глядя ему в глаза. — Но ты бы стал меня отговаривать. А мне нужен этот разговор.

Фернандо некоторое время молча смотрел на нее. Хоакина тоже молчала. Тишину в гостиной нарушало только сопение все еще мнущейся тут же Соле.

Наконец Фернандо отвел взгляд и снова вздохнул. На этот раз тоскливо.

– Ты, видимо, решила, что я жуткий злодей, Хоакина. Но это не так. Я на твоей стороне, пойми. Соледад, пригласи дону Пабло и сеньориту Лауру.

Поговорить со второй подружкой Хоакине удалось только после ужина, когда, оставив мужчин сидеть в гостиной, они уединились на террасе.

Вокруг уже царил душный колониальный вечер, и тонкая стройная фигурка Лауры в свете зажженных в саду фонарей выглядела совсем хрупкой. Подруга оказалась младше Хоакины и Кармен, ей можно было дать не больше восемнадцати-девятнадцати лет. Гладкие темные волосы Лауры были собраны в простую прическу, а черное траурное платье делало ее и без того бледноватую для колониального климата кожу еще бледнее. «Изящная фарфоровая статуэтка», — подумала Хоакина, рассматривая подругу.

– Прости, что не успела ответить. Отец внезапно согласился сопроводить меня из-за несчастия с тобой, — говорила Лаура, облокотившись на деревянные перила. — Он все не может понять, как ты попала на нашу плантацию. И ему кажется, что...

– Что? — поторопила Хоакина подругу, которая замялась.

– Антонио... — она закусила губу, видимо, чтобы не расплакаться. — Отец боится, что случившееся с вами как-то связано.

– А ты что думаешь? — взволнованно спросила Хоакина, подходя к перилам и становясь рядом с Лаурой.

– Не знаю, — покачала головой она. — Но на Коста-Лунес никогда такого не случалось. Сначала дон Марсело, потом ты, а теперь и Антонио.

Хоакина какое-то время молчала, слушая треск невидимых насекомых и крики каких-то животных вдали, а затем решила заговорить с Лаурой о том, о чем постеснялась с умной и роскошной Кармен.

— Слуги сплетничают, что тут замешано колдовство, — быстро сказала Хоакина и покосилась на Лауру, ожидая, как та отреагирует.

— Вуду? — переспросила подруга, поворачиваясь и смотря прямо. — С чего они так решили?

— К сожалению, не только они, — сказала приободренная Хоакина, хотя о вуду она слышала только в редких рассказах бабушки Риверы и читала в романах. — Фернандо тоже думает, что моя потеря памяти немного... странная. А доктор Варгас с ним не согласен.

Судя по всему, теперь разволновалась и Лаура. Она поднесла ко рту кружевной платочек и теперь задумчиво его покусывала.

— Но в убийстве дона Марсело не было ничего странного. Его просто ударили тяжелым пресс-папье. Хотя, может, отец мне не все рассказал. Он один общался с полицией из Буэнавентуры.

— А... твой брат? — как можно осторожнее спросила Хоакина.

Губы Лауры жалобно скривились.

— Полиция считает, что его зарезали. Прямо у леса, откуда идет дорога до Хрустального ручья, плантации дона Марсело.

Хоакина хотела добавить, что какая-то Санта оттуда же считает, что и здесь не обошлось без колдовства, но вовремя прикусила язык. Подруга и так достаточно настрадалась.

— А ты не знаешь, что он там мог делать?

— Отец говорит, на свидание пошел, — шмыгнула носом Лаура. — Антонио любили девушки, хотя до Хуана Мануэля ему было далеко.

Опять этот Хуан Мануэль. Хоакина с досадой мотнула головой. Каждый разговор не прояснял, что с ней случилось, а запутывал еще больше.

— Мне так жаль, Лаура. Самое ужасное, что у меня чувство, будто я могу помочь тебе. Словно знаю что-то. Может... может, поэтому на меня и напали, — закончила Хоакина шепотом.

Подруга смотрела на нее настороженно, забыв о платочке.

— Что было перед тем, как меня нашли? — продолжала Хоакина, не сводя взгляда с Лауры. — Куда я ходила? С кем разговаривала? Мне бы хоть что-нибудь. Иначе я никогда ничего не вспомню.

— Мне тоже жаль, Хоакина, что с тобой случилось такое, — сказала подруга, снова принимаясь терзать платочек. — Но я ничего не знаю, разве только...

— Что?

— Как-то мы ездили в шляпную лавку в Буэнавентуре. Рядом подавали кофе, и к нам подошла донья Тереза, сестра дона Марсело. Она отвела тебя в сторону, и вы о чем-то говорили. Но ты не рассказала, о чем именно.

— Долго говорили?

— Несколько минут.

Хоакина отошла от перил и принялась ходить по террасе, от края до края, измеряя ее шагами. Бабушка, вдовствующая маркиза, находила эту привычку ужасающей и совершенно недостойной молодой знатной сеньориты. «Как кухарка, от горшка к горшку», — говорила пожилая сеньора и неодобрительно шурила глаза. Но сейчас Хоакине было не до воспоминаний о родственниках, и она уже не была сеньоритой.

— Может, ничего серьезного и интересного? — говорила она. — Если бы донья Тереза сказала мне что-то важное, я бы поделилась с тобой?

— Наверное, — рассеянно отозвалась Лаура, следя за передвижениями Хоакины.

— Она прислала мне цветы. Вероятно, мы все-таки общались. Или же она просто попросила соседку с материка посоветовать ей фасон шляпки, — выдохнула Хоакина и остановилась. — И что опять осталось? Только подозрения, что меня околдовали. Послушай, Лаура...

мой муж, Фернандо, подозревает, что на меня напали, но не говорит со мной об этом. И мне, признаться, очень тяжело с ним общаться. Даже больше. Я не представляю, как мы будем жить дальше.

Хоакина подошла к подруге, остановилась рядом и заговорила тише. Утром ей не пришлось в голову обсуждать подобные вещи с Кармен, что было бы уместнее. Первая подруга была замужней женщиной и могла понять. Но почему-то хрупкая и бледная Лаура в траурном платье вызывала желание немного довериться и выговориться.

— Все говорят, что мы любили друг друга, но я не помню чувств к нему. Для меня он человек, с которым я была немного знакома. Господи, да мы виделись всего два раза и совсем немного разговаривали. А затем я проснулась, и мне сказали, что он мой муж. И я должна жить с ним, как жена.

В свете фонарей стало заметно, что Лаура покраснела. Но она кивнула, всем видом выражая готовность слушать дальше.

— Я хотела написать родителям и попросить решить вопрос. Обратиться к высшим церковным отцам и узнать, есть ли повод для расторжения брака. Но затем представила, какой это будет скандал. Я должна буду вернуться в Аройо де Оро, дедушка Ривера и мама сойдут с ума. А мой дядя-маркиз? Ему придется постоянно выслушивать небылицы о племяннице и краснеть из-за всей этой истории. Нет, я не могу так поступить с семьей. Фернандо не отправлял им письмо о том, что случилось, и я ему за это благодарна. Все-таки он чуткий человек, пусть и пытается меня оградить от нужных сейчас вещей. Однако, чтобы продолжить жить на Коста-Лунес и в Каттлеях спокойно, мне надо вспомнить. Иначе я окажусь под одной крышей с чужим и нелюбимым человеком. Я постоянно в напряжении, когда приходится разговаривать с Фернандо, и с каждым днем мне становится все тяжелее, Лаура.

— Господи, Хоакина, как ужасно, — потрясенно проговорила подруга. — Я скорблю по брату, но не представляю, что бы делала на твоём месте.

— Надо вернуть память, — решительно сказала Хоакина, которой стало немного легче. — И если слуги сплетничают о вуду, лучше узнать об этом.

— В Хрустальном ручье вроде была колдунья, — неуверенно сказала Лаура. — И у нас один работает.

— Нет. Пока нужен кто-то, кто просто много знает о вуду. И лучше не синекожий.

Лаура кинула взгляд на большое окно, за которым в гостиной дон Пабло и Фернандо пили вино и беседовали.

— Отец рассердится, если узнает, что я повторяю слухи, да еще и такие, — быстро начала говорить она. — В Буэнавентуре живет вдова, Ана дель Торо. Говорят, она заключила Договор с могущественным духом с помощью бокора. Она может помочь тебе.

— Договор? — изумилась Хоакина. — Это еще что?

Лаура кинула на нее удивленный взгляд, а затем внезапно улыбнулась.

— Прости. Ты забыла, что знала о Коста-Лунес и островах. Думаю, донья Ана тебе все расскажет.

— Но... — попыталась возразить Хоакина, однако, проследив за взглядом подруги, поняла, что муж и дон Пабло уже подходят к стеклянной двери, ведущей на террасу.

— Лаура, дочка, нам пора домой.

В Буэнавентуру Хоакина просто сбежала, прихватив с собой камердинера и дворецкого, высокого крепкого и широкоплечего синекожего молодого человека, который сможет защитить хозяйку от случайных грабителей. Хоакина оставила Фернандо записку, где подробно расписала, почему она так поступила, повторив почти слово в слово вчерашнюю исповедь Лауре.

Помощник на все руки, которого звали Педро, сказал, что сначала надо дойти до перекрестка за лесом, начинающимся на границе Хрустального ручья. Там обычно останавливается почтовый дилижанс, на котором можно быстро добраться до города.

— Наверное, надо было взять тяглового ящера и бричку, — сказала Хоакина, стоя у края пыльной дороги в густой траве. Солнце снова немилосердно жарило и сверкало так ярко, что хотелось убежать в казавшийся прохладным лес.

— Нет, сеньора, — мотнул темной головой Педро и улыбнулся. — На дилижансе быстрее.

Хоакина с сомнением взглянула на него, но не стала спорить. Она ничего не знала о местных способах передвижения и могла только довериться слуге.

Через несколько минут, наполненных криками севшей на дерево неподалеку стаи попугаев, послышался знакомый звук. Только Хоакина никак не ожидала услышать его здесь, среди чужой растительности, запахов и пронзительного яркого неба. Из-за поворота показался новенький, хотя и порядком запыленный, электродилижанс и, поблескивая продолговатым резервуаром для двигателя, остановился.

— В Буэнавентуру? — высунулся из окошка водитель и, дождавшись кивка Педро, мотнул головой. — Садитесь.

Педро помог ошеломленной Хоакине забраться в просторный салон, усадил ее на единственное свободное место, а сам устроился рядом на полу. Затрещал двигатель, электродилижанс тронулся и быстро помчался по дороге.

— Я думала, на Коста-Лунес пользуются только повозками с ящерами, — тихо сказала Хоакина.

— Так и было, сеньора, — отозвался Педро, сдвигая на затылок соломенную шляпу. — Года три назад дон Марсело из Хрустального ручья закупил несколько. И себе, и в подарок острову. Хороший сеньор, жаль, что его убили.

Вот оно как. Сеньор де ла Серда был не только богатейшим плантатором в Акульем заливе, но и занимался благотворительностью. Кто же поднял руку на столь щедрого человека?

Хоакина рассеянно посмотрела на синезоких пассажиров, сидящих напротив нее. Все они наверняка были работниками окрестных плантаций или же жителями деревенок, лежащих к югу, спешащими по делам или на работу в город. Когда они замечали взгляд белой сеньоры, то кланялись и приветливо улыбались. А больше всех сиял Педро, не забывая подмигивать притулившимся в углу двум юным девушкам в ярких головных уборах.

Хоакина не успела как следует устать улыбаться в ответ пассажирам электродилижанса, как Педро вскочил, подошел к тонкой перегородке, за которой сидел водитель, и постучал по ней.

— Нам бы у площади, у церкви святой Терезы, — крикнул он, и Хоакина торопливо принялась доставать деньги.

Она передала две серебряные палмеры, но Педро покачал головой и взял одну. Электродилижанс остановился, и Хоакина вышла, на этот раз без помощи слуги. За ней выпрыгнул худощавый парень с мешком за плечами, а потом появился и Педро, явно не довольный, что хозяйка его не подождала.

— Аккуратнее, сеньора, — сказал он. — Оглянуться не успеете, деньги вытащат.

— Что мы здесь делаем? — спросила Хоакина, решив не удивляться тому, что ее милые попутчики способны на такое коварство. — Я думала спросить, где живет донья Ана, в архиве при ратуше.

— Раз донья Ана знает с вуду, то лучше подскажет отец Абель, — отозвался Педро, указывая на церковь красивого розово-бежевого цвета, возвышавшуюся совсем рядом.

— Почему?

Слуга кинул на нее вопросительный взгляд, а потом хлопнул себя ладонью по лбу.

— Простите, сеньора, ради бога. Я никак не запомню, что вы... что вам...

— Хорошо, хорошо. Идем к твоему отцу Абелю, — оборвала покаяние Хоакина, донельзя раздосадованная тем, какие все-таки неудобства причиняет провал в памяти. Мало ей проблем с мужем.

Она решительно зашагала впереди Педро, а тот, догоняя ее, пояснил:

— Отец Абель у нас с даром. Единственный во всем заливе остался. Служит в церкви святой Терезы, а к нам приезжает по воскресеньям. Мессы у него хороши, но многие его побаиваются. Хотя священник вреда не причинит, только наоборот.

Хоакина остановилась и во все глаза посмотрела на чуть не налетевшего на нее Педро.

— С даром?

— С колдовством, да, — закивал Педро. — Говорят, что таким же сильным, как вуду седьмой ступени. Только другого толка. Ну да вы понимаете, думаю.

Хоакина хотела ответить утвердительно, но получилось промычать что-то невнятное. Чтобы скрыть свое невежество и смущение, она снова двинулась к церкви, стараясь не думать о том, сколько же ей еще предстоит удивляться, а то и поражаться.

Зайдя в неф, омочив пальцы в чаше и перекрестившись, Хоакина и Педро одновременно взглянули друг на друга. Вместо ожидаемой для позднего утра четверга тишины их встретили звуки органа.

— Не понимаю... — пробормотала Хоакина, вслушиваясь в мелодию.

— Ни разу не слышал этого гимна, — почесал коротко стриженный затылок Педро.

— Потому что это не гимн, — теперь уже уверенно сказала Хоакина, поднимая глаза к галерее, — а ария Хуаны из «Недолговечного счастья».

Она увидела озадаченный взгляд Педро и покачала головой, понимая, что синекожий слуга никогда не был в опере.

— Интересная церковь.

Звуки органа резко стихли, затем раздались быстрые шаги. И на лестнице, ведущей к галерее, показался высокий седоволосый человек, одетый в сутану. Он замер на мгновение, а потом стал спускаться.

— Доброе утро, отец, — первой поздоровалась Хоакина, кинула взгляд на Педро и, дождавшись утвердительного кивка, продолжила. — Прошу прощения, что побеспокоили вас.

— Доброе, доброе, — приятным баритоном ответил священник, подходя ближе. — Ничем важным я не занимался, можно сказать, даже немного грешил.

Он усмехнулся. От внимательных глаз на узком длинном лице тут же побежали морщинки, и священник стал похож на портрет одного из предков Хоакины, висевший в доме дяди-маркиза.

— Я отец Абель. У вас ко мне дело, сеньора?..

— Хоакина де Веласко. Я приехала с плантации Каттлеи.

Она замешкалась и снова посмотрела на Педро. Ведь это он привел ее сюда. Но слуга смотрел на отца Абеля с восхищением, и, видимо, не собирался ей помогать.

— Видите ли, отец, мое дело немного... необычно, — начала Хоакина и замолкла.

— Все считают, что их дела таковы, — развел руками седоволосый священник. — Если вам неловко, можем пройти в мой кабинет. А ваш слуга пусть пока присядет.

Повинуясь приглашающему жесту отца Абеля, Хоакина проследовала за ним по небольшой лесенке в подвал, и вскоре уже сидела на простом, но удобном стуле и осматривала простое убранство кабинета.

Сам отец Абель устроился в пыльном кресле, выдвинув его из-за массивного стола и смахнув на пол какие-то бумаги.

— Я вас слушаю, сеньора де Веласко.

Хоакина внимательно посмотрела на приятное располагающее к себе лицо священника, вспомнила арию Хуаны и то, что говорил Педро, и решила.

— Я замужем за владельцем кофейной плантации Каттлеи, Фернандо Агиларом. Пару недель назад на меня или напали, или я сама упала, и пострадала моя память. Два года будто вычеркнуты из жизни, и мне сложно смириться с этим. Если кто-то желал мне зла, я хочу найти его.

— Сеньора, в таком случае вам нужна полиция, а не я, — заметил отец Абель, внимательно рассматривая ее и хмурясь. — Вы ведь не из наших мест?

— Я с материка, из Аройо де Оро. И мне не нужна полиция, отец, я хочу нанести визит к донье Ане дель Торо. Слуга уверил меня, что вы знаете, где ее найти.

Священник приподнял брови, и Хоакине показалось, что он сейчас присвистнет.

— Вот оно как. Вы считаете, что на вас не напали, а заколдовали.

Это был не вопрос, а утверждение, да еще и произнесенное так легко и без оговорок, что Хоакина снова смутилась.

— Поверьте, отец, я не хочу обвинить кого-то, — поспешно заговорила она. — К тому же у меня дома к колдовству относятся, как к старым сказкам. Хотя суды еще рассматривают случаи, если есть неоспоримые доказательства. Но ученые говорят, что скоро развитие электричества и технологий сведет на нет и это. Последний кардинал с даром умер еще до моего рождения.

Отец Абель невесело усмехнулся и сцепил ладони, лежащие на коленях.

— Так и я здесь последний, — сказал он. — Местная молодежь предпочитает вуду религиозному служению. А электричество с цивилизацией хоть и захватывают колонии, но далеко не так резво, как вашу родину. Туземцы, знаете ли, не так падки на науку, как мы.

Он замолчал, судя по всему, о чем-то глубоко задумавшись, и Хоакина терпеливо ждала, когда он продолжит.

— Что вы хотите от доньи Аны?

— Я надеялась на консультацию, — прямо сказала Хоакина. — И не хотела обращаться к синекожим. А донья Ана, говорят, много знает о вуду.

На лице отца Абеля снова появилась грустная усмешка.

— Не исключено. Хотя даже мне не известно, что она знает. После заключения Договора я не видел ее на исповеди, а это без малого пять лет.

Хоакине захотелось спросить, что же это за договор такой, однако она сдержалась.

— Люди часто в отчаянии и горе совершают вещи, за которые потом приходится дорого платить.

— Я буду осторожна, отец, — сказала Хоакина, не поняв, относилась ли последняя фраза священника к ней или к донье Ане. — Но у меня нет выбора. Это может быть связано с последними убийствами, случившимися в наших краях. И если я возможный свидетель, мне все равно не дадут покоя.

Вот теперь отец Абель все-таки присвистнул.

— Убийства? Вы не о сеньоре Марсело де ла Серда говорите, сеньора?

— И о нем тоже. А недавно убили брата моей подруги, Антонио Санчеса. И я не желаю быть следующей, отец.

Хоакина прямо взглянула в глаза священника и почувствовала, что ей стало легче. Наконец-то она высказала слух то, что на самом деле тревожило ее. Ну, кроме опасений дальнейшей жизни с Фернандо.

— Хорошо, я скажу вам, где живет донья Ана, сеньора, — со вздохом поднялся с кресла отец Абель. — Но будьте крайне осторожны. И обратитесь все-таки в полицию.

От подошел к столу, нашел там лист бумаги, долго искал перо и чернильницу, обнаружил их под завалами папок, быстро накарябал что-то и протянул бумагу Хоакине.

— Вы застанете ее дома. Она не выходит.

— Спасибо, отец, — поблагодарила Хоакина, тоже поднимаясь. — Простите, что побеспокоила.

Она двинулась к двери, но спохватилась и повернулась.

— Благословите меня?

— Конечно. Вам это пригодится.

Отец Абель вышел из-за стола, подошел к присевшей Хоакине и широко осенил ее крестным знамением.

— Благословляю, дочь моя. Да не коснется тебя зло.

Хоакина хотела подняться да так и застыла, к своему стыду, с открытым ртом. Ее охватило чувство всепоглощающего счастья и спокойствия. Будто разом исчезли все проблемы и осталась только радость. Хотелось рассмеяться, запеть или даже станцевать и воспарить в небеса. Но Хоакина могла только восторженно и бестолково моргать.

— Поднимайтесь. — Твердая и неожиданно сильная рука коснулась плеча, помогая встать. — Ничего, так со многими бывает.

— Это... это потрясающе, отец, — сказала Хоакина, которая понемногу приходила в себя. — Может, я бы даже пожертвовала наукой и электричеством.

— Не преувеличивайте, — приятно засмеялся священник, ведя ее к двери. — Господь не просто так дал человеку разум. Все, созданное им во благо, имеет право на существование. К слову сказать, я не заметил на вас следов вуду. Но мой дар в таких вещах скромненький, могу ошибаться.

— Или же меня просто ударили по голове, — кивнула Хоакина, которая сейчас себя чувствовала полной сил.

— Позвольте еще сказать, сеньора, что у вас необычные глаза.

— Знали бы вы, как я их в детстве стеснялась, — с трудом подавила она желание фыркнуть.

— Глаза разного цвета приносят удачу, — улыбнулся отец Абель.

— Мой дедушка Ривера тоже так говорит. Я унаследовала их от него. А он прошел не одну военную кампанию и не получил ни единой царапины. В отличие от меня.

Они поднялись наверх, зашли в неф, и Педро поднялся им навстречу. Правда, не сразу. Похоже, слуга дремал, расположившись на прохладной скамье.

— Идем к донье Ане, — скомандовала Хоакина. — До свиданья, отец. И спасибо за все.

— Пожалуйста. И хорошего вам дня.

Хоакина хотела еще уточнить, верно ли она угадала арию Хуаны, однако решила не смущать священника. Наверняка прихожане слышат в церкви святой Терезы совсем другие мелодии.

Небольшой домик в Банановом тупике отыскать было несложно. На утопающей в зелени улочке виднелись всего несколько жилищ среднего достатка, выкрашенных светло-розовой краской, с серыми или белыми воротами. Ворота же Аны дель Торо были расписаны небольшими красными цветами.

Хоакина толкнула их и несмело зашла в маленький садик. Постоянно озирающийся Педро последовал за ней. Вокруг было тихо, только жужжали многочисленные насекомые над цветами, аккуратно рассаженными по клумбам, и издали доносились крики торговцев с рынка.

Хоакина остановилась и только подняла руку, чтобы постучать в приоткрытую дверь, как из дома раздался низкий женский голос:

— Заходите, раз пришли.

— Мне с вами? — спросил Педро.

Хоакина, уже толкающая дверь, взглянула на него и поняла, что ему почему-то не по себе.

— Уж изволь, — сказала она, раздосадованная, что такой крепкий на вид и с утра еще бойкий слуга теперь занервничал. — Зря я что ли тебя с собойбрала.

В прохладной гостиной, куда Хоакина попала после небольшой прихожей, на низеньком диване среди подушек сидела прямая, как палка, старуха и, сощурившись, смотрела на гостей.

— Так, так, — произнесла она тем же низким строгим голосом. — Молодая дама и слуга. Чем обязана?

Хоакина замешкалась. Манеры пожилой женщины напоминали скорее бабушку-маркизу и ее подруг из светского общества, чем скромную прихожанку церкви святой Терезы и жительницу Бананового тупика.

— Добрый день. Мне нужна сеньора Ана дель Торо.

— Она перед вами, сеньорита, — ответила старуха. — Присаживайтесь на тот стул, а ваш слуга пусть устроится вон в том углу. Только надо подвинуть скамейку.

— Я на полу посижу, спасибо, сеньора, — поспешно заверил Педро, подтверждая слова делом.

Хозяйка проследила строгим взглядом и за ним, и за устраивающейся на стуле Хоакиной.

— Что ж, я вас слушаю, — сказала она.

Решиться рассказать о своем деле этой сухой и строгой старухе было еще сложнее, чем отцу Абелю. И если бы не его благословение, Хоакина или залепетала бы что-то невнятное, или вообще бы задала пару вопросов, попрощалась и ушла. Однако теперь она мыслила четко и совсем не боялась подобия своей бабушки.

В подробности Хоакина вдаваться не стала, а всего лишь представилась, кратко рассказала о том, что случилось, и поделилась подозрениями о вуду. Донья Ана внимательно выслушала и чуть усмехнулась.

— Не думала, что слухи обо мне разнесутся по всему острову. Но вот дошло до того, что вы пришли ко мне, а не к колдуну. Впрочем, я вас понимаю, сеньора, — остановила она возражения Хоакины. — Всегда есть риск попасть к нечистому на руку синекожему и расстаться с деньгами из-за того, что вас просто запугают.

— Я не уверена, что дело не в ударе, — честно сказала Хоакина. — И мне не хочется прослыть там, где я сейчас живу, истеричной особой.

— Однако я вам вряд ли могу помочь. Я не практикую вуду, я всего лишь пользуюсь ее услугами.

— Я слышала про Договор, — качнула головой Хоакина. — Не знаю, что это, но полагаю, что вам помог талантливый колдун.

— Если можно так выразиться, — в тусклых глазах хозяйки дома зажегся странный огонек. — Хотите узнать, что такое Договор? Что ж. Я бы предложила вам кофе для приятной беседы, но сама передвигаюсь с большим трудом. — Она пошарила рукой, взяла стоящую у дивана длинную трость и махнула ей в сторону прикорнувшего в углу Педро. — Эй, мальчик, сделай нам с сеньорой кофе. На кухне есть все, что нужно.

— Как же вы живете одна? — спросила Хоакина, провожая взглядом вылетевшего чуть ли не бегом из гостиной Педро.

— Я живу с сыном, он сейчас на работе, — ответила донья Ана. — Именно из-за него я решила на Договор.

В комнате повисла тишина. Хозяйка молчала, словно размышляя или погрузившись в воспоминания, а Хоакина не хотела торопить ее. Весь этот дом навевал какую-то странную дремоту, словно попав сюда, уже не надо было никогда никуда торопиться. И Хоакина бы не удивилась, если бы узнала, что донья Ана живет тут уже несколько сотен лет, вокруг нее меняется мир, а она сама остается прежней.

Молчание нарушил вернувшийся Педро, несущий поднос с кофейником, двумя чашками, сахарницей и даже небольшим блюдцем со сладостями. Донья Ана указала на столик за

диваном, Педро его подвинул так, чтобы он оказался между ней и Хоакиной, поставил поднос и принялся наливать кофе.

— Все, все, мальчик, достаточно, — остановил его донья Ана. — Иди.

Она оперлась на трость, подалась вперед и принялась сама разливать кофе по чашкам. Хоакина придвинула ближе стул и хотела помочь, но вовремя поняла, что не стоит.

— Я родилась на острове Сан-Филиппе, что далеко к западу отсюда, — начала говорить донья Ана, когда они взяли по чашке и принялись за напиток. — На островах Акульего залива осталось гораздо больше колдовства, чем в цивилизованном мире. Впрочем, вы и сами уже это поняли, сеньора де Веласко. В детстве у меня была нянька, тогда еще рабыня. Она практиковала вуду, лечила всю плантацию и еще соседнюю деревню. Я была очарована ее умениями и даже просила научить меня. Однако родители узнали и строго настрого запретили близко общаться с рабами. Да и дара у меня не оказалось ни капли, как выяснилось много лет спустя. Няню отослали из домашней obsługi, а после отмены рабства она уехала на Пуэрто-Мариска, чтобы воссоединиться с семьей.

Получается, удивилась Хоакина, делая глоток кофе, донья Ана дель Торо не простого происхождения. Возможно, из колониальной аристократии. Неужели она собирается поведать госте всю биографию?

— Так случилось, что я влюбилась в сына разорившегося бананового плантатора, — продолжала донья Ана, — но пожениться нам не разрешили. Его отец продал плантацию и уехал в город, а мой выдал меня за соседа. Однажды муж нашел те редкие письма, который писал мне Мигель, и пригрозил убить меня, если я не разорву связь с бывшим женихом. Мне пришлось под диктовку написать письмо, чтобы положить конец роману по переписке. Я так ненавидела мужа, что попросила рабов, то есть уже слуг, найти бокора и устроить мне с ним встречу.

— Бокор практикует злое колдовство? — спросила Хоакина, не уверенная в том, что правильно помнит то, что написано в книгах.

— Скорее не гнушается в средствах, — качнула головой донья Ана и сделала глоток. — Я хотела, чтобы муж умер от тяжелой болезни. Но бокор испугался проклинать такого влиятельного и богатого человека, и меня спас обычный несчастный случай.

Хоакина во все глаза смотрела на хозяйку дома, поневоле захваченная рассказом. И сильно надеялась, что та не собирается признаваться в убийстве и ставить ее в неудобное положение.

— О нет, — сухо усмехнулась донья Ана, видимо, заметив что-то в лице гостыи. — Всего лишь саблерогий бык. Муж любил бои быков, которые проходили каждую осень на Пуэрто-Мариска, самом крупном острове залива. И в тот раз взял меня с собой, чтобы не подозревать в измене. Бык взбесился, пробил ограждение, а муж оказался у него на пути. Видели бы вы это. Отпевание пришлось проводить с закрытым гробом.

— О господи, — вырвалось у Хоакины, которая была наслышана о том, как саблерогий бык мог изувечить человека. Сама она не любила эти традиционные развлечения и до сих пор счастливо избегала их.

— Однако мне это пошло только на пользу, — возразила донья Ана. — Родственников у мужа не оказалось, я унаследовала плантацию, и мы с Мигелем смогли пожениться после окончания траура. Родители отвернулись от меня. Мигель ведь поступил на службу в полицию, и они посчитали брак мезальянсом. Ни я, ни он не умели управлять тростниковой плантацией, поэтому пришлось ее продать и уехать жить в город, столицу Сан-Филиппе. У меня и Мигеля родилось трое сыновей, которые пошли по его стопам.

Хоакина допила кофе, поставил чашку на столик и выпрямилась на стуле, все еще не понимая, зачем донья Ана ей все это рассказывает.

— Наша жизнь текла мирно и размеренно, дети выросли, я занималась садом и плела прекрасные кружева, которые с удовольствием раскупали соседи. Мигель дослужился до комис-

сара и скоро собирался уйти в отставку. Мы думали продать дом на Сан-Филиппе, купить небольшую виллу на маленьком острове и спокойно дожить там. Но этого не случилось. Однажды моя жизнь закончилась. О нет, — остановила она Хоакину, пытающуюся произнести подобающие слова сочувствия. — Умерла тогда не я, хотя столько раз жалела об этом. Мигель расследовал дело о ставшей давно незаконной торговле людьми и контрабанде редких металлов. Он вышел на самых влиятельных лиц Сан-Филиппе и не принял от них взятку, пригрозив отправить рапорт на материк. И они убили его. А затем пришли к моим старшим сыновьям, тоже полицейским, и их семьям и убили их всех тоже. Остались только я и младший, потому что нас просто не нашли. В ту же ночь мы собрали все, что у нас было, и сбежали сначала на Пуэрто-Мариска, а затем на далекий Коста-Лунес. Семь лет скоро будет, как мы поселились здесь.

Донья Ана замолчала, внимательно глядя на Хоакину, которая сидела, зажав рот рукой.

— Саблерогий бык вам все еще кажется таким ужасным? — с иронией спросила хозяйка.

— Как же вы пережили все это?

— А я и не пережила, — чуть пожала плечами донья Ана. — Я нашла бокора седьмой ступени, на этот раз посмелее, чтобы он помог мне заключить Договор. Мой последний сын не должен разделить участь отца и братьев. И бокор попросил духов сделать его неуязвимым к вреду, что можно причинить оружием, предметом, руками или ядом. И мало того, чтобы тот, кто причинит ему вред, сам получил такой же. Я прошла через ритуал, который бы показался мне кошмарным, если не случившееся со мной до него. И оставила в оплату свое тело.

— Как это? — спросила Хоакина, которую уже стала колотить мелкая дрожь.

— Я гнию живо, — внезапно жутко улыбнулась донья Ана. — И не умру, пока это не закончится. Я мало чем отличаюсь от трупа, лежащего в могиле. Но я пошла на это сознательно, ради теперь уже единственного сына. Вот что такое Договор, сеньора де Веласко. Вы платите цену сообразно запросу, но не знаете о ней, пока она не вступит в силу.

Хоакина хотела что-то сказать, но у нее так сдавило горло, что она закашлялась. Этот дом действительно был могилой, а его хозяйка, можно сказать, продала душу дьяволу. Вот только имели ли духи вуду отношение к сатане? Отец Абель наверняка знал ответ.

— А ваш сын? — наконец, выдавила Хоакина.

— Он не был в восторге. Впрочем, вы сами можете у него спросить.

Хоакина услышала, как скрипнула дверь и раздались шаги. Она обернулась и увидела неподвижно сидящего в углу Педро, чьи глаза широко расширились, а кожа приобрела мертвенно-голубоватый оттенок при всей ее темноте. Будет ему теперь что рассказать на родной плантации.

— Мама? Ты не одна?

В гостиную зашел мужчина в темно-бордовой форме полицейского и остановился. А затем, глядя на Хоакину, вежливо склонил голову. Она любезно кивнула в ответ.

— Сеньора, это мой сын, Рафаэль Эспиноса. Рафаэль, это сеньора Хоакина де Веласко. Она любезно скрасила мое одиночество приятной беседой.

— Приятно познакомиться. Думаю, мне пора идти, с вашего разрешения.

Хоакина встала со стула, уверенная в том, что при сыне-полицейском донья Ана вряд ли станет продолжать их разговор и уж тем более давать адреса колдунов вуду.

— А ведь мы знакомы, сеньора, — остановил ее голос Рафаэля Эспиносы, который можно было бы назвать приятным, не будь он таким вкрадчивым. — Вы ведь жена Фернандо Агилара, владельца Каттлей, верно?

— Вы не ошиблись.

Хоакина остановилась и со скрытым неудовольствием посмотрела на полицейского. Еще один человек, которого она забыла. Еще один в веренице многих. Как говорится, имя им теперь легион. Два года все-таки долгий срок.

— Я заходил к вам после убийства сеньора Марсело де ла Серды, — продолжал Рафаэль Эспиноса. — Беседовал с вами и вашим супругом. А на той неделе снова посетил Каттлеи, уже по другому делу. Сеньор Фернандо сказал, что вы плохо себя чувствуете.

— К сожалению, это правда, — отозвалась Хоакина, скользя взглядом по непроницаемому лицу собеседника.

Младшему сыну доньи Анны, уцелевшему в огне мести плантаторов Сан-Филиппе, было, наверное, около сорока лет. Густые темные волосы зачесаны назад и схвачены лентой, уши немного оттопырены, выраженные носогубные складки говорили о редких или наоборот частых улыбках, а на подбородке виднелась пара порезов, вероятно, от бритвы. В общем, служитель закона все же больше располагал к себе, чем нет, несмотря на неприятный голос. Если забыть о кошмарном Договоре его матери и о том, что он практически бессмертен.

— Я также слышал, что вы, — продолжал говорить Рафаэль Эспиноса, — прошу прощения за прямоту, потеряли память.

— И это правда, — с грустью ответила Хоакина. — Два года. Поэтому я не помню ваш визит в Каттлеи, сеньор полицейский.

— Зачем же так официально, — обезоруживающе улыбнулся тот. — Просто инспектор или даже сеньор Эспиноса. Есть у меня подозрения, что это не последняя наша встреча и разговор. Не нравится мне, что творится в ваших краях, сеньора де Веласко.

Сердце Хоакины сильно забилося. Отец Абель рекомендовал ей пойти в полицию, а полиция сама нашла ее. Не для того ли донья Ана услаждала слух гости своей биографией, чтобы задержать ее до прихода сына? Ведь последний раз Фернандо не пустил к жене полицию.

— Поэтому не соизволите ли уделить мне еще несколько минут? — спросил Эспиноса, подтверждая мысли Хоакины. — Мне нужно задать пару вопросов. Разумеется, неофициально.

— Д-да, — рассеянно отозвалась Хоакина, бросая взгляд на Педро. — Может, выйдем в сад?

Ей совершенно не хотелось оставаться в этом доме, на сегодня с нее достаточно ужасов.

— Пожалуй, — кивнул инспектор. — А ваш слуга пока побудет с мамой и сделает какао. Много кофе ей вредно.

Хоакина видела, что бедняга Педро совершенно не в восторге от этого предложения, и от души ему посочувствовала. Выходя в любезно открытую инспектором дверь, она видела, как слуга обреченно пошел на кухню, а донья Ана поудобнее расположилась среди подушек, вытянула больные ноги. Интересно, почему нет неприятного запаха? Или слово «гнить заживо» имеет какое-то другое значение? Как в стихах, где часто используются метафоры?

Хоакина с облегчением вдохнула теплый воздух и ароматы садика и постаралась выбросить из головы дом-могилу.

— Надеюсь, мама не сильно вам досаждала, сеньора? — спросил Рафаэль Эспиноса. — Она человек нездоровый и любит поговорить.

— Нисколько, инспектор, — соврала Хоакина, рассматривая яркие цветы в клумбах. — Я приятно провела время.

Он взглянул на нее с нескрываемой иронией, хмыкнул и ничего не сказал. Наверняка знал, какими историями развлекает его мать редких гостей.

— Итак, сеньора. О смерти сеньора Антонио Санчеса вы, думаю, слышали, — перешел к делу Рафаэль Эспиноса, и голос его из вкрадчивого стал суховатым. — А с учетом сказанного вами ранее спрашивать о том, где вы были во время его убийства, бессмысленно.

— Верно. Я лежала в своей комнате в постели. И доктор Варгас может подтвердить, что я не смогла бы выйти из дома.

Инспектор снова хмыкнул, но тут же стал серьезен.

— Хосе Варгас хороший доктор, хотя и чересчур высокомерен. Кичится тем, что учился на материке.

Хоакина еле сдержалась, чтобы не кивнуть и не хмыкнуть в ответ. Она успела насмотреться на манеры доктора Варгаса. Особенно, как он нарочито не мог запомнить имя Соле и постоянно называл ее «эй, ты» или «эй, девушка».

— Я обязан спросить, сеньора де Веласко, о случившемся с вами, — продолжал Рафаэль Эспиноса. — Доктор Варгас считает, что это был несчастный случай, и вы упали. Вы помните хоть что-нибудь?

Хоакина неожиданно рассердилась. Доктор так и не воспринял всерьез подозрения Фернандо и сплетни слуг. Трудно его винить, конечно, однако мог бы хоть поведать полиции об этом, и пусть бы они сами разбирались.

— Я ничего не помню, инспектор, кроме того, что очнулась в своей постели. Но... мне кажется, точнее, мой муж считает... Он что-нибудь сказал вам?

— Только то, что вас нашли на краю Пальмового сада, плантации сеньора Санчеса, вечером, — поднял густые, как и волосы, брови, Рафаэль Эспиноса и, помолчав, добавил. — И то, что он опасается, что на вас могли напасть.

Хоакина еле сдержала шумный вздох облегчения. Фернандо все-таки высказал подозрения полиции. Значит, хоть как-то беспокоится о ней, а не отмахивается, как доктор Варгас.

— Да, я тоже так считаю, инспектор, — заговорила она. — Я всего лишь женщина и не полицейский, но не заметить похожие события сложно.

— Думаете, на вас могли напасть из-за убийства Марсело де ла Серды? — резко спросил Рафаэль Эспиноса, уже не тратя время на этикет и любезности. — И Антонио Санчеса убили тоже поэтому?

— Мало того, — ответила Хоакина, решив уже ничего не утаивать, — я подозреваю, что в случае со мной замешано вуду. А, может, и не только со мной. Как убили дон Марсело? Вы нашли того, кто это сделал? Антонио Санчеса зарезали, так ведь?

Инспектор сложил на груди руки и внимательно посмотрел на Хоакину.

— Теперь вы задаете вопросы, сеньора, — укоризненно покачал головой он. — А ведь должны знать, что я не могу, да и не обязан отвечать на них.

— Но вы сами сказали, что беседа будет неофициальной, — парировала Хоакина, упрямо глядя на него.

Рафаэль Эспиноса расцепил руки, зачем-то пару раз выдохнул через надутые щеки, возможно, размышляя о чем-то, а затем кивнул.

— Полагаю, никто не торопился рассказывать вам об убийствах, щадя ваше самочувствие. Поэтому от общих сведений, которые знает любой синекожий, вреда не будет.

Хоакина заметила, что инспектор, как и другие, проигнорировал ее замечание о вуду, но напоминать еще раз и спорить не стала. Хотя он-то мог бы и поверить, живя с такой матерью.

Глава

вторая

Спрятавшись от возможного гнева мужа в своей комнате, Хоакина быстро и старательно записывала все, что успела узнать за этот длинный день. Фернандо в доме не было, он поехал к управляющему, поэтому расплата откладывалась.

Перо ритмично скрипело по бумаге, а мысли Хоакины летели стремительно, словно породистые ящеры на бегах. Если на нее нападут еще раз или она снова все забудет, то останутся хотя бы эти записи, которые стоит спрятать так, чтобы потом легко можно было найти.

Итак, дон Марсело. Владелец Хрустального ручья, крупнейшей кофейной плантации на Коста-Лунес, а то и на ближайших островах Акульего залива. Хоакина нашла в кабинете Фернандо большую карту колоний Королевства Менада и хорошо изучила ее прежде, чем сесть писать. Остров Коста-Лунес находился ближе всего к материку, как и Сан-Хосе, располагавшийся чуть севернее. И дон Марсело, как и другие плантаторы, в том числе и Фернандо, навер-

няка пользовались этим в торговых целях. Поэтому не понятно, кто хотел его смерти: семья и слуги или деловые партнеры.

Хозяина Хрустального ручья нашли убитым в одном из рабочих кабинетов, который был обустроен не в доме, а в большой беседке в саду рядом с бассейном. Дон Марсело любил работать с раннего утра, завтракать на свежем воздухе, а потом плавать. Похожую процедуру он проделывал и перед сном, даже когда задерживался за делами допоздна. Несмотря на далеко не молодой возраст, он чуть не дотянул до пятидесяти шести, кофейный плантатор был в хорошей форме и отменного здоровья. Однако от удара в висок тяжелым пресс-папье это не спасло. Тело утром обнаружила горничная, принеся завтрак. Доктор Варгас, которого вызвали перепуганные слуги, утверждал, что убили дона Марсело поздним вечером или ночью.

«А доктор мог и ошибиться», — подумала Хоакина, старательно работая пером.

Кто-то из слуг, кажется, горничная и ящерник, упоминали, что слышали около одиннадцати часов голоса из беседки-кабинета. Им показалось, что кто-то ругался. Вероятно, дон Марсело со своим убийцей. А кухарка утверждала, что помнит, как в кустах рядом с домом кто-то шуршал, когда она встала попить воды. Впрочем, Рафаэль Эспиноса наверняка перечислял слухи, которые не имели особого значения.

«Кому выгодно», — повторила Хоакина фразу дедушки Риверы.

В доме Хрустального ручья проживали сестра дона Марсело, донья Тереза, и ее сын, Хуан Мануэль Феррейра. Они приехали в Коста-Лунес немногим раньше самой Хоакины, года три назад. Донья Тереза вдова, а ее сын — повеса и мот. Ему скучно на плантации, и он часто пропадал в Буэнавентуре. Вот и в вечер убийства дяди он кутил в самом модном, для колоний, конечно, городском ресторане, а затем и еще в одном заведении похуже.

«Вряд ли это он, — размышляла Хоакина, смотря на настольную лампу в виде девушки, держащей в вытянутых руках раковину. — Хотя представить, что донья Тереза стукнула брата по голове, а потом спокойно пошла спать, еще сложнее».

Слуги? В Хрустальном ручье дом был больше и роскошнее, чем в Каттлеях, и обслуживали его целых пять горничных, кухарка с двумя помощниками, экономка и дворецкий. И это не считая ящерника, привратника, садовника, управляющего, а также кучи работников плантации, которые все могли иметь зуб на хозяина. Или же она неверно рассуждает?

Хоакина отложила перо и с досадой закусила нижнюю губу. Рафаэль Эспиноса категорически отказался говорить о завещании дона Марсело. Как и о том, с кем тот ругался или спорил последнее время. У инспектора полиции куда больше возможностей, чем у жены плантатора, к тому же потерявшей память. Она сама не помнила, какие и с кем у нее были отношения.

«Что ж, здесь придется признать полное поражение, — подумала Хоакина и снова взялась за перо. — Надо позвать в гости Кармен Руис или послать Соле в Хрустальный ручей, чтобы она посплетничала с тамошними слугами. Кстати, хорошо бы прочесть хотя бы одну книгу Кармен».

Антонио Санчес, сын и наследник дона Пабло, хозяина Пальмового сада, плантации сахарного тростника. Похоже, теперь плантация достанется будущему мужу Лауры, у дона Пабло больше нет сыновей. Антонио нашел в лесу недалеко от Хрустального ручья охотник, который вечером, перед приходом темноты, проверял силки. Тот же доктор Варгас осмотрел тело, но на этот раз не стал настаивать на времени смерти. Вроде бы день, а, может, и утро. Однако он однозначно сказал, что несчастного брата Лауры зарезали. Откуда потом пошли слухи про дикого зверя, непонятно. Возможно, просто все знали характер доктора Варгаса и из мести подвергали сомнению любое его утверждение. Рафаэль Эспиноса, понятно дело, никак это не объяснил.

«Если Антонио Санчес видел или слышал что-то важное, почему его убили так поздно?» — подумала Хоакина, скрипя пером.

Дона Марсело нашли утром десятого февраля, на Хоакину напали пятнадцатого, а Антонио погиб аж двадцатого. Может, эти смерти все же никак не связаны? Но Рафаэль Эспиноса явно так не считал, хотя и вовсю уклонялся от вопросов Хоакины.

Еще не забыть некую Санту из Хрустального ручья, которая говорила о каком-то существе, и цветы, присланные доньей Терезой.

Хоакина спешно дописала, отложила перо и помахала бумагой, чтобы быстрее высохли чернила. У Фернандо в кабинете наверняка был мгновенный осушитель, но спускаться туда означало наткнуться на мужа, который наверняка злится. Странно, что он еще не пришел расспрашивать жену о том, почему она так долго пропадала в городе, и ездила ли она туда вообще.

Не успела Хоакина подумать об этом, как в коридоре за дверью раздались поспешные шаги, а затем в комнату без стука вломилась Соле, чем-то сильно взволнованная.

— Ну что такое? — возмутилась Хоакина. — Где твои манеры?

— Простите, сеньора, — запыхавшаяся Соле сцепила руки и сложила их перед грудью в подобие молитвы. — Но сеньор Фернандо только что был на кухне и расспрашивал Педро. И теперь сеньор зол и идет сюда. А вот и он!..

Хоакина пропустила звук еще одних шагов. Она еле успела встать из-за столика перед зеркалом, где писала, и засунуть листы бумаги в выдвижной ящик. После чего стремительно повернулась к стоящему в дверях Фернандо.

— Соледад, оставь нас, — кратко и отрывисто бросил он.

Хоакина проводила выбежавшую служанку взглядом и задрала подбородок, готовясь к отражению атаки. Хотя и не знала, какое именно недовольство выскажет ей муж. Все их общение со дня ее выздоровления сводилось к двум вещам: или обсуждению обыденных дел на день и погоды с едой, или он был ею недоволен. Как в тот раз, когда она пыталась расспрашивать Марию о смерти Антонио Санчеса. Единственный разговор, в котором проскользнул намек на что-то теплое и приветливое, когда Фернандо рассказал о погибших родителях, и тот закончился спором.

И теперь Хоакина воинственно смотрела на стоящего в дверях мужа, словно дед Ривера на врага-дамнийца во времена славной боевой молодости. А Фернандо смотрел на нее, щуя светлые глаза.

— Педро за пару часов после вашего возвращения успел взбудоражить половину плантации. Куда ты его возила, что он там набрался этих историй?

Хоакина подавила облегченный вздох. Значит, Фернандо не собирается отчитывать ее за задержку, иначе бы начал не с бак сопровождающего слуги. Она чуть опустила подбородок.

— Мне не пришло в голову брать с него обещание молчать о поездке, — сказала она. — Видимо, он излишне впечатлителен. Буду знать.

Хоакина вспомнила могильную тишину дома доньи Аны, и сама внутренне содрогнулась.

— Я приказал ему замолчать. Он такое рассказывает, что ночью никто из слуг не выспится, — покачал головой Фернандо и, отодвинув полу простого серого сюртука, прислонился к косяку.

— А что он рассказывает? — фальшиво удивилась Хоакина, как можно естественнее поднимая брови. Похоже, вышло не очень.

— Где вы были? — спросил Фернандо.

— Может, ты все-таки зайдешь? — сказала Хоакина, опираясь руками за столик за спиной.

Она не хотела, чтобы муж это делал, но разговаривать вот так, когда он стоит в дверном проеме, стало совсем неловко.

Фернандо, не говоря ни слова, выпрямился, сделал шаг вперед и закрыл дверь. После чего прошел прямо к Хоакине и остановился на расстоянии вытянутой руки от нее. Она поняла, что успокоилась слишком рано.

— Я тебя слушаю, Хоакина, — слишком ровным тоном произнес он.

— Я ездила в Буэнавентуру, как и написала тебе. Я хотела отыскать человека, который хорошо знаком с вуду, но не практикующего и не синекожего. И я его нашла и поговорила с ним.

— Точнее, с ней, — кивнул Фернандо. — Педро рассказывал о донье Ане дель Торо.

— Ты ее знаешь? — удивилась Хоакина.

— Не так близко, как теперь ты и Педро, я полагаю, — чуть поморщился Фернандо. — Однако про семью дель Торо с Сан-Филиппе слышал еще от отца. И о том, что в городе живет женщина, заключившая Договор, тоже. Ты могла бы сначала прийти ко мне.

— И о том, что такое этот Договор, ты тоже знаешь? — с вызовом спросила Хоакина, снова приготовившись к защите.

— Нет. Но догадываюсь, что что-то не слишком приятное. Я старался не вникать в вуду, тем более в темную сторону их практик. И мне очень не нравится, что ты туда полезла, Хоакина.

— Как будто я делаю это для развлечения или от скуки, — пожала она плечами. — Я хочу найти того, кто на меня напал, или понять, почему.

— А если на тебя не нападали? — покачал головой Фернандо.

— Тогда получится, что я ознакомилась с целым пластом культуры и истории островов Акульего залива, — с досадой ответила Хоакина и с интересом глянула на мужа, закусившего нижнюю губу. — Что с тобой, Фернандо? При второй нашей встрече ты показался мне достаточно любознательным.

— У меня своя причина держаться подальше от колдовства, — сказал муж. — И мы говорим не о ней.

— А о том, что я подвергаю себя опасности, я поняла, — перебила его Хоакина. — Или вбила в голову глупую мысль, что на меня напали. Кстати, инспектор меня не поднял на смех.

— Инспектор? — нахмурился Фернандо. — Ты ходила в полицию?

— Инспектор Рафаэль Эспиноса сын доньи Аны. Я встретила его в ее доме.

Ей казалось, что Фернандо должен был удивиться. Или разозлиться. И уж точно не спокойно посмотреть ей прямо в глаза, а потом так же неспешно сесть на кресло, придвинутое к стене под небольшими бра в виде паучков, да еще и закинуть ногу на ногу.

Стало так тихо, что можно было различить шорох золотых песчинок в изящных песочных часах, стоящих на тумбочке у кровати. Хоакина замерла, все еще вцепившись руками в туалетный столик и не зная, что делать дальше. Подождав еще некоторое время, судя по песочным часам, чуть больше минуты, она отлипла от столика и, двигаясь медленно и осторожно, дошла до второго кресла, чуть сбоку от того, где сидел Фернандо, и тоже села.

— Тебе не кажется, что у нас проблемы? — раздался голос мужа, как только она устроилась поудобнее.

Удивленная сменой темы разговора и мирным тоном, она кинула на Фернандо обеспокоенный взгляд, но супруг смотрел в стену напротив.

— Да. Я забыла два года своей жизни, — ответила Хоакина, тоже любуясь большой картиной с горным пейзажем.

— И меня, — добавил Фернандо, и ее поразила горечь, проскользнувшая в его тоне. Даже донья Ана не сожалела так о своей медленной и мучительной смерти.

— Я долго думал о том, — продолжал муж, — как жить, если память к тебе так и не вернется. Но тебе... видимо, все равно.

«Неправда!» — захотелось крикнуть Хоакине, однако она сдержалась. Или правда? Не был ли ее интерес к убийствам и вуду просто способом занять себя и не разбираться в их теперь непонятных супружеских отношениях? Хоакина прислушалась к себе и сердито тряхнула головой. Открыла рот, чтобы ответить, закрыла его, открыла еще раз.

— Мне не все равно, — наконец, прямо заявила она. — Я, как и ты, не знаю, что нам делать. С той лишь разницей, что я помню о том, что у нас было, только по письмам, которые писала родителям и подругам. Но там все очень... обще и... сдержанно.

Она услышала, как со стороны Фернандо раздался тихий и очень невеселый смешок.

— Но ты не давала мне попробовать показать тебе, как у нас все было, — сказал он. — Ты избегала меня или разговаривала, как с гостем, случайно оказавшемся в гостинной.

Хоакина ожидала подобного разговора, но не сегодня. И точно не тогда, когда голова у нее была забита другими делами. Намеренно ли Фернандо сбил ее в толку, или он сам решился неожиданно, было уже неважно. Нужно что-то отвечать и так, чтобы не испортить и без того натянутые отношения. Хоакина осторожно покосилась на мужа, внимательно рассмотрела его профиль, а затем и всего целиком, стараясь найти в себе хоть малейшие отголоски чувств. Соле утверждала, что хозяйка любила супруга, родители тоже были уверены, что дочь счастлива в браке. Значит, что-то должно остаться, пусть и погребенное под разваленной памятью. Как жаль, что она не спросила совета у отца Абея.

— Фернандо, — начала говорить Хоакина, чувствуя себя идущей по хрупкому стеклу. — Чтобы понять, что я ощущаю, постарайся представить, что ты проснулся и обнаружил, что женат на... Кармен Руис.

Последовала тишина. Хоакина засомневалась, удачный ли пример она выбрала, ведь муж мог симпатизировать красавице Кармен и без труда свыкнуться с мыслью о таком браке.

— Или не на Кармен, а женщине, с которой ты виделся два раза, — поправила она. — Как бы ты поступил?

— Выяснил, почему так произошло, — быстро ответил Фернандо и осекся.

— Вот видишь. И я сделала так же.

— А потом поговорил бы, — прибавил Фернандо. — Проблемы решаются только в обсуждении. Молчание всегда приводит в тупик.

Хоакина подумала, что муж цитирует кого-то, но не вспомнила, кого именно, и почувствовала, что снова начинает сердиться.

— Хорошо, давай обсудим. Ты первый.

— Первый? — удивился Фернандо.

Хоакина краем глаза увидела, что он больше не смотрит в стену, тоже повернула голову и встретила с ним взглядом. На лице супруга отражалось такое искреннее недоумение, что ей внезапно захотелось расхохотаться.

— Я не знаю, как мы жили до того, как на меня напали, — пояснила она. — У тебя преимущество.

— Скорее уж, наказание, — проворчал Фернандо, отводя взгляд и снова обращая его на нарисованные горы. — Тебе тяжело от того, что ты теперь не любишь меня, а мне о того, что я не могу ничего с этим сделать.

Подобной откровенности Хоакина все же не ожидала. Она очень боялась, что кто-то из них, или она, или Фернандо, произнесет это вслух. Да, все верно, она забыла, что любила его.

— Я не виновата в этом, — продолжила она его мысль. — Но делаю, что могу, чтобы вернуть все, как было. Если это возможно, конечно.

— А ты сомневаешься?

В голосе мужа прозвучали настолько горькие нотки, что сердце Хоакины невольно сжалось.

— Я стараюсь не сомневаться, — ответила она, хотя скорее старалась вообще об этом не думать.

— Может быть... — сказал Фернандо, и она вновь поняла, что он смотрит прямо на нее. — Ты позволишь мне помочь?

— Буду рада, — тут же отозвалась она, вспоминая, что она планировала сделать завтра. — Думаю, нам нужно нанести визит в Хрустальный ручей и поговорить с Терезой де ла Серда. И хорошо бы найти...

Хоакина осеклась, потому что Фернандо поднялся с кресла, подошел к ней и неожиданно наклонился к ее лицу. Теперь она видела его светлые глаза и, как выяснилось, довольно породистый прямой нос, близко-близко.

«А ведь он красивый. Или просто симпатичный», — промелькнуло в голове Хоакины, которая замерла и затаила дыхание.

— Я хотел предложить просто обнять тебя, — чуть улыбнулся Фернандо. — Не представляешь, как я соскучился по тебе.

Обнять? Хоакина тихо перевела дыхание и попыталась поднять на ноги. И когда она оказалась стоять рядом с чуть отошедшим и тоже выпрямившимся мужем, то ответила:

— Вот оно что. Что ж, думаю, это будет приятно.

И она развела руки, всем видом показывая, что не против дружеских супружеских объятий. Ведь если он попытается ее поцеловать, то реагировать будет сложнее. Она не знает, как поведет себя ее тело, а обижать Фернандо сейчас очень не хотелось.

Он почему-то скептически посмотрел на нее, прежде чем податься вперед и, надо отдать ему должное, довольно осторожно обнял за плечи, не сильно прижимая к себе.

Фернандо был теплым, от него пахло легким табаком, запах которого Хоакина помнила по гостиниой, и еще каким-то приятным ароматом, видимо, парфюмом для бритья. Она глубоко вздохнула, надеясь, что запахи освежат ее память. Но единственное, что почувствовала, это успокоение и уют от объятий, по которым, как выяснилось, успела соскучиться. Если она обнимет его в ответ, не вызовет ли это в нем ложных пока надежд?

Хоакина немного подумала и решила рискнуть. Родные были далеко, не с Соле же ей здесь обниматься.

— Спасибо, мне очень нужна поддержка, — сказала она, поднимая руки и тоже очень осторожно кладя их ему на плечи, а затем смыкая за спиной.

Она почувствовала, как Фернандо перевел дыхание, его тело напряглось, и он на миг сильно сжал ее в объятиях, но тут же отпустил, будто спохватившись. Он чуть отстранился и заглянул ей в лицо с немим вопросом в глазах.

— Прости, я ничего не вспомнила, — испытывая непонятное чувство вины, ответила Хоакина.

— Наивно с моей стороны надеяться на чудо, — сказал Фернандо и покачал головой. — Может, надо было попробовать поцеловать тебя?

И он грустно улыбнулся.

— Меня пока не превратили в крапчатую ящерицу, — возразила Хоакина, вспомнив сказку о заколдованной принцессе.

Фернандо не ответил, лишь продолжал смотреть на нее, и снова повисла проклятая неловкая тишина. Что ж, попытка оказалась не то, чтобы провальной, но и не сильно удачной.

Хоакина метнулась к туалетному столику, присела на стул и стала вынимать шпильки из прически, чувствуя себя уже не воинственным дедушкой Риверой, а его противником, трусливо сбежавшим с поля боя.

— И все-таки подумай над моим предложением о визите в Хрустальный ручей, — заговорила она, поглядывая в зеркало на все еще стоящего на месте Фернандо. — Тереза де ла Серда прислала мне цветы, пока я лежала. Но ни Лаура, ни Кармен не упоминали, что мы близко общались. И еще там есть некая Санта, с которой мне тоже хотелось бы поговорить.

— Сплетница, как и наша Мария, — с досадой произнес Фернандо, словно бы приходя в себя и снова опускаясь в кресло.

Рука Хоакины замерла, потянувшись за очередной шпилькой.

— Почему ты опасаешься вуду? Это такая зловещая практика?

И тут же сама вспомнила, как испугалась в доме доньи Аны.

— В любом случае, тебе тоже придется иметь с этим дело, если меня действительно заколдовали, — продолжала Хоакина, кидая шпильку на столик.

— Мне неприятно колдовство из-за давней семейной истории, — спокойно отозвался Фернандо.

Слишком спокойно. Хоакина уже начала понимать, что это означает, что муж вовсе не находится в хорошем расположении духа.

— Извини, — сказала она, видя в зеркале только его ногу в черных брюках и ботинке.

— Не буду заставлять повторять.

— Я никому не рассказывал, даже тебе.

Хоакина, забыв о неловкости и недоразобранной прическе, резко отвернулась от зеркала и с любопытством посмотрела на мужа. Это было уже интересно. Что же такого произошло в семье благополучных плантаторов, что Фернандо скрывал даже от любимой жены? И в пору было задуматься о том, что сама Хоакина рассказывала о себе и родных мужу. Знал ли он, например, о том, что семья ее матери, Ривера, долго сомневалась в выгоде брака с младшим сыном маркиза Лемос, которому не достанется ни титул, ни львиная доля состояния? Или что те же Ривера были против брака самой Хоакины и Фернандо, как поведала Соле? Насколько велико их доверие друг другу?

Хоакина оторвала взгляд от мужа и снова занялась волосами. Необходимо сосредоточиться на чем-то одном. Голову и так разрывает от многочисленных проблем, которые постоянно подбрасывает потеря памяти. Надо найти того, кто напал или заколдовал ее. Это сейчас главное.

— Так ты пойдешь со мной в Хрустальный ручей, Фернандо?

— Завтра с утра пошлю к ним кого-нибудь, — устало отозвался он. — Ты же все равно не отстанешь.

— Ты прав, — коротко ответила Хоакина и усмехнулась про себя.

Фернандо еще какое-то время наблюдал, как она расчесывает волосы, а потом поднялся, пожелал ей доброго вечера и спокойной ночи и вышел.

Вскоре в спальню постучала Соле, всплеснула руками, увидев, во что хозяйка превратила свои волосы, и кинулась исправлять. Одновременно она болтала о том, какой ужас эта история, рассказанная Педро, и что она наверняка умерла бы на месте, столкнувшись с жуткой женщиной, заключившей столь страшный Договор. Но Хоакина, находясь в смятении после разговора с Фернандо, теперь думала совершенно о другом. И когда все еще причитающая Соле принялась расшнуровывать ее короткий корсет, воскликнула:

— О чем ты только говоришь, Соле! Я не помню свою первую брачную ночь. И, возможно, не вспомню никогда. Вот настоящий ужас. Может, и мне заключить Договор?

Преданная служанка принялась охать и вздыхать больше прежнего, но Хоакина только отмахнулась. Она была настолько расстроена, что ей хотелось поскорее лечь в постель и поплакать в подушку. То ли ее так огорчили супружеские объятия и грустный вид Фернандо, то ли перестало действовать благословение отца Абея.

Фернандо сдержал обещание, и с утра отправил шустрого синекожего мальчишку с плантации доставить в Хрустальный ручей письмо с извещением о визите и принести обратный ответ.

Пока Хоакина с волнением его ожидала, прибежал посланник из Розария. Сеньор Хорхе де Вега с женой Кармен тоже желал в гости, только в Каттлеи. Пришлось заставить подругу ждать, пока не подтвердится или отменится визит в Хрустальный ручей. Хоакина почувство-

вала легкое раздражение. В родном Аройо де Оро давно уже звали в гости по телефону, а приглашения рассылали по почте на особо торжественные случаи.

— Мы старомодны, — пожал плечами Фернандо, спешно расправляясь с обедом. — К тому же не у всех есть телефон, а кто-то не желает им лишний раз пользоваться.

Хоакина попыталась поспорить, но муж доел и быстро ушел, сославшись на неотложные дела на плантации.

Через час прибежал посланный мальчишка и получил от Соле нагоняй за задержку. Зато Тереза де ла Серда ответила положительно, и можно было готовиться к вечеру. Хоакина приказала грустившему мальчишке найти сеньора Фернандо, а сама, подумав, пошла в кабинет мужа.

Она покопалась в бумагах на столе, нашла пухлую записную книжку, где по ее расчетам могли быть написаны цифровые коды. А затем подошла к висящему рядом на стене телефону, смело вставила в ухо слуховую кнопку, дернула рычаг и набрала код.

— Это Розарий? Говорит сеньора Хоакина де Веласко. Можно поговорить с сеньорой Кармен?

Ждать пришлось недолго, и скоро в ухе зазвучал низкий красивый голос подруги:

— Это ты, Хоакина?

Непохоже, что Кармен была старомодна или боялась телефона.

— Я насчет вашего письма о визите. Дело в том, что сегодня вечером я и Фернандо идем в Хрустальный ручей. Думаю, вы тоже сможете к нам присоединиться. Только придется предупредить хозяйку. Надеюсь, это не займет много времени.

— О, я попробую им позвонить, — рассмеялась Кармен. — Ты многих на Коста-Лунес приучила чаще пользоваться телефоном. А дон Марсело и сам по нему вел дела. Надеюсь, его сестра не будет сильно возражать.

Вот почему подруга не удивилась звонку. Хоакина уже пыталась принести столичные традиции в колонию.

— До встречи вечером, — сказала Кармен.

— Буду рада увидеться.

Хоакина дернула рычаг и вынула из уха кнопку. Похоже, тихий ужин в Хрустальном ручье скорее будет напоминать небольшой прием. И тем лучше. Удастся поговорить с доньей Терезой, зачем-то приславшей цветы малознакомой больной соседке.

Вечером Хоакина с тревогой ждала Фернандо, который примчался в дом, когда она уже почти была готова к выходу, и теперь переодевался у себя в комнате. Вероятно, они опоздают, и будет крайне неловко. Или же здесь не обращают внимания на такие вещи?

Вскоре Фернандо появился в гостиной, на ходу завязывая шейный платок. Сюртук темно-синего цвета, в тон брюкам, небрежно болтался на сгибе локтя.

— Боже мой, — воскликнула Хоакина, подходя к нему. — Почему никто не помог тебе?

— Педро куда-то делся, да и я не сильно хочу слушать его вчерашние рассказы, — ответил муж, кидая сюртук на кресло и доставая из кармана жилета небольшую брошь с сапфирами, чтобы украсить наконец-то завязанный платок.

— Я не понимаю, — удивилась она. — Педро больше возится по дому, а то и на кухне. Почему бы тебе не нанять камердинера?

Фернандо издал протяжный вздох, и Хоакина вздохнула вместе с ним.

— Мы уже обсуждали это, верно? Тогда не будем сейчас тратить время, и так уже опоздали.

— Ничего страшного, — успокоил ее Фернандо, подхватывая сюртук и ловко надевая его. — В Хрустальном ручье всегда ужинают поздно. А сейчас еще и восьми нет.

Хоакина окинула взглядом мужа, отмечая, что цвет его костюма, похожий на ночное небо, темноват для званого ужина, тогда как она разоделась в светло-зеленую блузку и юбку

цвета молодого белого вина с таким же коротким верхним корсетом. На голове же красовалась модная высокая шляпка, тоже светло-зеленая.

— Совсем забыла, у них же траур, — огорченно пробормотала Хоакина.

Фернандо посмотрел на нее и чуть приподнял брови.

— Ты же не пойдешь сейчас переодеваться?

— Ну почему ты мне не напомнил? — расстроено буркнула Хоакина.

— Потому что весь день занимался безобразием, которое работники учинили в южном секторе, — устало прикрыл глаза Фернандо. — И сейчас бы с огромным удовольствием лег отдохнуть.

— Ты говоришь так, будто я виновата в проблемах на плантации, — неожиданно рассердилась Хоакина, впрочем, больше на себя, чем на мужа. — Мне жаль, что ты устал. Я позову Соле, все равно собиралась взять ее с собой.

— Я обещал, что помогу тебе, — сказал Фернандо, протягивая ей руку. — Соле нам совершенно ни к чему.

— Тебе, может, и нет, — не согласилась Хоакина, не спеша брать его под руку. — Но она соскучилась по знакомым, и я не смогла ей отказать. Соле, иди сюда! Нам пора!

— И по кому же она соскучилась? — в голосе Фернандо послышалась неприкрытая ирония.

— Здесь не принято брать с собой личную прислугу на ужин? — уточнила Хоакина, все еще не сдаваясь.

В гостиной появилась спешащая Соле, на голове которой красовался тюрбан, украшенный искусственным цветком, почти как у местных. С той лишь разницей, что он был неправильно замотан, и кусок ткани нависал у девушки над глазом, словно повязка пирата.

— Это еще зачем? — спросил Фернандо и рассмеялся.

Хоакина вздрогнула и взглянула на него. Она только что поняла, что ни разу с момента, как пришла в себя, не слышала, как муж смеется. Улыбку видела, и она ей даже нравилась, а вот смех слышала впервые. И надо признать, хохотал Фернандо очень заразительно. При этом на его щеках появлялись ямочки, глядя на которые Хоакина окончательно рассердилась и на веселящегося мужа, и на Соле в нелепом головном уборе, и на то, что сама забыла о трауре людей, к которым собралась в гости.

— Ну, довольно веселиться, — сказала она. — Соле, сними это и догоняй нас.

— Я всего лишь хотела не выделяться, — насупилась девушка, стаскивая тюрбан.

— В Хрустальном ручье есть прислуга из белых, — приглаживая волосы, сказал все еще улыбающийся Фернандо. — Кухарка и дворецкий точно, и вроде еще привратник.

Хоакина так удивилась, что без возражений взяла снова предложившего ей руку Фернандо под локоть и пробормотала:

— Я думала, Соле одна здесь такая.

— Немногие плантаторы могут позволить себе белую прислугу, — кивнул Фернандо, толкая дверь и пропуская Хоакину вперед. — Им положено платить больше, чем синекожим. Но дон Марсело был очень богат. Я слышал, что он переманил кухарку из ресторана в Буэнавентуре. И она уже тридцать лет в его доме.

— Почти член семьи, — заметила Хоакина. — Я читала, что после отмены рабства многие синекожие остались на тех же плантациях, где работали.

— Верно, — кивнул Фернандо. — Кроме тех, кто уехал, чтобы соединиться с родными. И тех, кто был достаточно смел, чтобы искать нанимателя по душе. Из Каттлей, тогда еще от деда, не уехал никто. А белая прислуга была только у его жены.

— А откуда родом твоя бабушка? — спросила Хоакина, шагая под руку с мужем так непринужденно, как будто делала это уже много лет.

— Из Дамнии, — словно нехотя ответил Фернандо и чуть оглянулся назад. — Но неважно. Скажи лучше, как тебе пришло в голову сделать из Соледад шпиона?

Хоакина тоже оглянулась и увидела, что служанка уже идет за ними, и ее волосы аккуратно уложены в привычный узел.

— Ничего подобного, — возмутилась Хоакина. — Я просто хотела, чтобы она поговорила со слугами. А для остальных я все еще плохо себя чувствую, и Соле нужна, чтобы вовремя подать шоковую соль.

— Сильно надеюсь, что она не понадобится, — с неодобрением сказал Фернандо. — Ты слишком активна для недавно выздоровевшего человека.

— Я не хочу, чтобы меня опять ударили или убили, — прямо ответила Хоакина.

Фернандо промолчал, судя по всему, сдержав тяжелый вздох.

Они уже вышли за пределы Каттлей и теперь двигались по дороге вдоль невысокого бревенчатого забора. Вокруг уже сгущались сумерки, и резкий стрекот дневных насекомых сменялся более тихим и загадочным приходящих им на смену ночных. С каждым шагом Хоакины и Фернандо наступала темнота и тут же отступала, прогоняемая светом зажигающихся то тут, то там электрических фонарей. И когда они приблизились к дому Хрустального ручья, то он уже тонул в ярком свете, напоминая сказочный замок.

— Какой огромный, — вырвалось у Хоакины.

— Приблизительно в три раза больше Каттлей. И еще здесь три этажа, — сказал Фернандо, чуть замедляя шаг, чтобы Хоакина прошла в распахнутые ворота.

— У моего дяди в поместье ворота гораздо скромнее, — заметила она, вертя головой, чтобы рассмотреть все это колониальное великолепие. — А он маркиз.

— Дон Марсело в наших краях был за особу королевской крови, — хмыкнул Фернандо, с улыбкой наблюдая за Хоакиной.

«Почему он сегодня улыбается, глядя на меня? — подумала она. — Наверное, я уже говорила все эти слова, но забыла».

— А теперь что? — спросила она вслух. — Король умер, да здравствует король?

— При них только это не скажи, — укоризненно глянул на нее Фернандо. — Хотя Феррейре может и понравится.

— Это племянник Хуан Мануэль? — уточнила Хоакина. — Сын доньи Терезы?

— Верно.

Ей показалось, что Фернандо чуть помрачнел, но они уже входили в широкую, отделанную позолоченной бронзой дверь, которую услужливо открыл перед ними высокий сухопарый пожилой дворецкий с безупречными манерами. Никакого сходства с Педро, вечно поправляющим небрежно сидящую на нем одежду и улыбающимся во весь рот.

Хоакина, чувствуя себя на приеме, по меньшей мере, у герцога, наблюдала, как дворецкий чинно принял у Фернандо шляпу и так же почтительно распахнул двери гостиной, предварительно указав смущенной Соле, где находится кухня.

— Добрый вечер, сеньор, сеньора. Приятно вас видеть. Вы вовремя, мы как раз собирались садиться за стол. Как вы себя чувствуете, сеньора де Веласко? Надеюсь, полностью поправились?

Хоакина, ошеломленная ярким светом, льющим из бесчисленных люстр на украшенном невероятной затейливости лепниной потолке, не сразу поняла, что обращаются к ней.

— О да, благодарю, мне гораздо лучше, сеньора... — она запнулась.

— Можете называть меня донья Тереза, — сказала невысокого роста женщина с пышными формами, одетая в черную, отделанную кружевами блузу и черную же старомодно пышную юбку. — И не волнуйтесь, дорогая. Мне не сложно познакомиться заново.

«А она милая, — решила про себя Хоакина. — Или умеет казаться таковой».

С мягких кресел и дивана, напоминающего корму корабля, встали несколько человек. Кармен, совершенно ослепительная в темно-бордовом наряде, слегка полноватый мужчина с залысинами, вероятно, ее муж, и молодой человек лет двадцати пяти, с густо напыженными волосами, роскошными усами и надменным выражением лица. Впрочем, сейчас на нем сияла вежливая радушная улыбка. «Новый король, — подумала Хоакина, улыбаясь в ответ. — И я одна тут в светлом. Фернандо все же следовало предупредить меня».

Но окончательно рассердиться на мужа она не успела, поскольку общество двинулось к столу, расположенному в большой нише. Людей было немного, и стол сервировали только с одной стороны, чтобы не допустить большого расстояния между гостями. С одной стороны от Хоакины сидел, само собой, Фернандо, а с другой оказался Хуан Мануэль Феррейра. Кармен с супругом и донья Тереза расположились напротив.

— Здесь был бы уместен вечерний наряд, — буркнула Хоакина. — Надо проверить, какие драгоценности я привезла из дома.

Она старалась говорить тихо, чтобы ее услышал только Фернандо, но у соседа, сидящего по левую руку, видимо был отменный слух.

— Уверяю, сеньора, вы очаровательно выглядите, — заверил Хуан Мануэль. — Признаться, всегда находил траур утомительным. Мой дядя был очень жизнерадостным и энергичным. Его вряд ли бы порадовали черный цвет и плач.

— Сынок, мы обязаны придерживаться правил, — отозвалась донья Тереза. — Как же иначе мы можем выразить свою скорбь перед людьми и богом? Даже в комнате и кабинете Марсело все осталось на своих местах. И до конца траура так и будет.

— Хорошо, твоя правда, мама, — легко согласился Хуан Мануэль, однако в усах спряталась веселая усмешка.

Хоакина заметила пристальный взгляд Кармен, но поняла, что смотрит подруга не на ее, а на соседа слева.

— А что вы намерены делать с плантацией, сеньор Феррейра? — спросил Хорхе де Вега, и Кармен, вздрогнув, повернулась к нему.

— Сначала необходимо дождаться вступления в наследство, — пожал плечами Хуан Мануэль. — А там видно будет. Но дела у дяди шли прекрасно, вряд ли придется что-то менять.

Супруг Кармен закашлялся, и Хоакине показалось, что он хочет еще что-то сказать, но за столом внезапно повисла тишина.

— Лобстер сегодня получился просто прекрасным, не правда ли? — заговорила донья Тереза светским тоном.

Все наперебой стали соглашаться, и Хоакина поняла, что только что стала свидетелем неловкой сцены. Но в чем здесь дело, знала только Хоакина из прошлого.

— Мои комплименты кухарке, — заговорила она, хотя этот лобстер ничем не отличался от других, которых ей приходилось есть в своей жизни.

— Чтобы мы делали без Милагрос, — вздохнула донья Тереза. — Она незаменима, и мы к ней так привыкли.

— Помню, отец рассказывал, что на Пуэрто-Мариска был знаменитый ресторан... — снова откашлявшись, начал говорить Хорхе де Вега.

Хоакина почти не слушала историю о шеф-поваре, который умудрился проработать до ста лет, и у него даже не тряслись руки. Она размышляла, как бы ей поговорить с доньей Терезой да так, чтобы не показаться навязчивой или грубой. И что означала эта недавняя неловкость, после которой все замолчали? Почему Фернандо почти не говорит, а открывает рот только, когда к нему обращаются? Ее муж чем-то расстроен или просто сильно устал? И почему этот новый король, Хуан Мануэль, расплывается в улыбке, когда смотрит на нее? Впрочем, последний вопрос не был загадкой, хотя Хоакина сильно надеялась, что новый хозяин Хру-

стального ручья не посмеет открыто ухаживать за ней в присутствии мужа. А, может, ей вообще показалось, и Хуан Мануэль всегда так общается с женщинами.

Из глубоких раздумий ее вывело легкое прикосновение к руке.

— Что с тобой, Хоакина?

Она взглянула на Фернандо, с беспокойством смотрящего на нее, и улыбнулась.

— Голова немного побаливает.

— Мы можем уйти.

— Ни в коем случае, — прошептала Хоакина.

До нее вдруг донесся какой-то шум. Как будто за дверью гостиной находилось много людей, и кто-то спорил. Донья Тереза тревожно переглянулась с сыном, и тот привстал из-за стола, намереваясь выйти. Но не успел.

В гостиной сначала появился дворецкий, немного растерявший свою безупречность. Но не успел ни о чем доложить, только выдавил невнятный звук. Перед гостями предстал никто иной, как инспектор Рафаэль Эспиноса в сопровождении еще одного полицейского. Он остановился, огляделся, приподнял брови, а потом четко и размеренно произнес:

— Сеньор Хуан Мануэль Феррейра, вы арестованы по подозрению в убийстве сеньора Марсело де ла Серды. Ваше задержание проводится в соответствии с кодексом Королевства Менада, вы имеете право на адвоката и справедливый суд. Прошу проследовать за нами.

Недавний местный король, а теперь подозреваемый, застыл, словно его парализовало электрическим импульсом. Как и все гости за столом.

— Сеньор Феррейра, не задерживайте нас, — поторопил его инспектор. — У меня полно дел. Добрый вечер, сеньоры, прошу прощения, что прервал ваш ужин. Что поделывать, работа такая.

— Но позвольте, — воскликнул Хуан Мануэль, выбираясь из-за стола. — На каком основании вы предъявляете мне такое чудовищное обвинение? Я не трогал дядю, у меня есть алиби.

— Алиби лопнуло, словно мыльный пузырь, сеньор Феррейра, — спокойно сказал Рафаэль Эспиноса. — Вернулся из поездки один из ваших приятелей, с которыми вы веселились тем вечером в «Зеленой мартышке». И он утверждает, что вы ушли не в три часа утра, как говорили, а в половине первого ночи. Времени у вас было достаточно, чтобы добраться до плантации на быстром верховом ящере.

— Но доктор Варгас говорил, что дядю убили до часу ночи, — возразил Хуан Мануэль, бледнея на глазах. И куда только девалась его надменность?

— В таких делах всегда имеется допущение, — тем же спокойным голосом ответил инспектор, — Не хочу углубляться в детали, но дон Марсело мог быть убит вплоть до двух часов. К тому же появилась еще одна деталь, разглашать которую я не имею права. Поэтому не усугубляйте свое положение и не заставляйте надевать на вас наручники или применять силу.

— Господи, да что же это такое! — воскликнула донья Тереза, поднимаясь с места. — Сынок!

— Мама, найди сеньора Борхеса, пусть все бросит и приедет в участок в Буэнавентуре, — торопливо заговорил Хуан Мануэль, подходя к полицейским. — Я готов, сеньоры.

Рафаэль Эспиноса кивнул сопровождающему его полицейскому, и тот вывел арестованного из гостиной. Сам инспектор еще раз окинул взглядом собравшихся и, коротко наклонив голову, произнес:

— Еще раз прошу прощения за прерванный вечер. Всего хорошего, сеньоры.

И тоже вышел.

— Да что же это... — повторила донья Тереза и словно без сил опустилась на стул.

— Вам плохо? — участливо наклонилась к ней Кармен.

— Я прикажу убрать со стола, сеньора? — спросил дворецкий, который уже обрел самообладание.

— Что?.. — рассеянно переспросила донья Тереза, теребя великолепные жемчуга на шее.
— Ах да, конечно. Срочно пошлите за сеньором Борхесом, Торрес. И принесите белый ром.

Хоакина посмотрела на нахмурившегося Фернандо, явно озадаченного и не знающего, как ему быть, растерянно шевелящего губами Хорхе де Вега и Кармен, в глазах которой застыл откровенный испуг. Наверное, следовало утешить донью Терезу, но Хоакина не могла подобрать слова. Ей ни разу не приходилось поддерживать людей, чьи родственники не были больны, не умерли, а их арестовали за убийство. Поэтому она сидела на месте, кусая изнутри губы и раздумывая, а не стоит ли удалиться домой. Положение неожиданно спас Фернандо. Он встал из-за стола, решительно подошел к донье Терезе и предложил ей руку.

— Думаю, нам стоит перейти к дивану или на террасу, как вы считаете?

Она подняла на него красные, уже в наступающих слезах глаза, чуть вздрогнула и проговорила:

— Д-да, конечно. Прошу всех на террасу. Туда принесут ром.

— Держитесь, сеньора, — заговорил Хорхе де Вега, идя за ними. — Все будет хорошо. Это какое-то недоразумение.

— Скажешь тоже, — шикнула на него Кармен. — Бедного Хуана Мануэля арестовали.

Тот ответил ей укоризненным взглядом.

Хоакина засомневалась бы в том, что наследник дона Марсело бедный, если бы не Рафаэль Эспиноса. На него вряд ли подействует умелый адвокат и тем более взятка.

Фернандо усадил донью Терезу в одно из кресел, стоящих в кажущемся хаотичном порядке вокруг низкого столика с парой бутылок вина, бокалами и пепельницами.

— Если кто желает, может налить вина, не дожидаясь Торреса, — сказала хозяйка. — Я предпочту ром. Надеюсь, вы меня простите.

— Мы все понимаем, — мягко заверил ее Фернандо и вопросительно посмотрел на Хоакину, а затем на Кармен.

— Я, пожалуй, выпью вина, — кивнула она.

Она все еще выглядела испуганной и ошеломленной. Можно подумать, что арестовали ее мужа, который, кстати говоря, уселся в кресло и спокойно раскуривал сигару, даже не пытаясь поухаживать за женой. Хоакина забыла собственный опыт в супружеских делах, зато прекрасно помнила трения родителей, бабушек и дедушек и поняла, что между супругами присутствует явное охлаждение. Была ли это недавняя ссора или так было всегда, сказать сложно. Но брак Кармен Руис и Хорхе де Веги небыл оспорен. Впрочем, решила Хоакина, присаживаясь на кресло рядом с Фернандо, который разливал вино по бокалам, с ее браком дела обстояли еще хуже.

Просидев еще полчаса и проговорив все слова утешения, которые только возможны, гости стали собираться. Кармен с мужем распрощались и ушли первыми, их проводил дворецкий Торрес. «Невеселый вечер», — шепнула на прощание Хоакине подруга.

— Боюсь, нам тоже пора, — сказал Фернандо, смотря на часы. — И не волнуйтесь. Возможно, к утру ваш сын уже будет дома.

— Постарайтесь поспать, — участливо посоветовала Хоакина, прекрасно понимая, что это вряд ли получится.

— Я провожу вас, — неожиданно сказала донья Тереза, поднимаясь на ноги.

Хоакина удивилась, но ничего не сказала, только обменялась взглядом с Фернандо. Возможно, хозяйке не хочется оставаться одной, и она старается подольше задержать гостей, понимая, что это невозможно.

— Санта, здесь тоже можно убирать, — приказала донья Тереза стройной молодой синевой девушке в платье горничной, пришедшей на звонок. — И скажи на кухне, чтобы служанка сеньоры де Веласко шла через черный ход к парадной двери и ждала ее там.

Значит, вот о ком говорила Мария. Эта Санта что-то видела или слышала в ночь смерти Антонио Санчеса. Или повторяла слухи.

В просторном холле окончательно вернувший свою невозмутимость и безупречность дворецкий уже хотел распахнуть дверь, как донья Тереза окликнула Хоакину.

— Простите, сеньор Агилар, можно я поговорю с вашей женой, буквально минуту?

По лицу Фернандо легко можно было прочесть, как он изумлен, но он поправил шляпу и ответил:

— Конечно. Я подожду в саду.

Донья Тереза поворотом головы дала понять дворецкому, что в нем не нуждаются, и Хоакина осталась с хозяйкой дома наедине.

— Мне неловко к вам еще раз обращаться, сеньора, пусть вы и не помните этого, — тихо сказала донья Тереза, подойдя так близко, что чувствовался запах дорогих духов и поражал размером жемчуг на ожерелье.

— Не помню, — подтвердила Хоакина. — Но вы прислали мне цветы, когда я лежала в постели.

— Я беспокоилась о вас, — призналась донья Тереза, опуская глаза. — Я боялась, что случившееся связано с... моей просьбой.

Хоакина молчала, ожидая, что хозяйка дома сама расскажет, в чем дело.

— Вы одолжили мне деньги. И не спросили, зачем они мне.

— Деньги? — не смогла сдержать удивления Хоакина. — Но ведь... — и она растерянно умолкла.

Донья Тереза понимающе улыбнулась.

— Богат был мой брат, а покойный муж, отец Хуана Мануэля, играл в карты и оставил мне только долги. Когда Марсело убили, и над нами нависла беда, то пришлось просить. Но я не хотела обращаться к знакомым плантаторам или их женам.

— А я приезжая, — понимающе продолжила Хоакина.

— Верно. И из хорошей семьи, — кивнула донья Тереза. — Вы уже помогли мне, и очень неудобно просить об этом снова. Но вы же видите, что неприятности не оставляют нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.